

Нина
Сорокина

Летний
детектив

роман
{повесть
и
пьеса}

Нина Матвеевна Соротокина

Летний детектив (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39851560

Летний детектив: НПО «У Никитских ворот»; М.; 2018

ISBN 978-5-00095-661-8

Аннотация

Широкому читателю Нина Соротокина известна в основном по роману «Трое из навигацкой школы», послужившему основой для создания серии фильмов под общим названием «Гардемарины, вперед!». Но начинала Нина Соротокина свою писательскую деятельность с рассказов.

В книгу входят иронический и грустный «Летний детектив», повесть «В поисках тишины» и пьеса «Погружение» (в подражание Агате Кристи).

Содержание

Летний детектив	5
От автора – вместо предисловия	5
1	6
2	15
3	20
4	26
5	35
6	44
7	50
8	56
9	70
10	79
11	91
12	103
13	112
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Нина Соротокина

Летний детектив

© Соротокина Н.М., 2018

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2018

Летний детектив

От автора – вместо предисловия

Роман «Летний детектив» написан очень давно, еще в конце 90 годов прошлого столетия. Место действия вполне реально, там живут мои друзья – это Калужская область, деревня Никола-Ленивец на реке Угре. Снеговики, бредущие по склону – тоже подлинные – художники пробовали свои силы в новом современном искусстве.

Беспечно сочиняя свой иронический детектив и размещая своих героев в Николе-Ленивце, я и представить не могла, что через двадцать лет это место приобретет мировую известность. Теперь там происходит международная выставка работ современных художников, скульпторов и архитекторов, под названием АРХСТОЯНИЕ. Не знаете про деревню Никола-Ленивец? – посмотрите в Интернете.

Теперь заявляю я со всей ответственностью, что кровавые события, происшедшие в моем романе – чистый вымысел, герои романа не имеют никакого отношения к реальности и прошу прощения у художников и жителей деревни, что воспользовалась для своих нужд местом их обитания.

1

Представьте себе огородную грядку после дождя. Морковная ботва плотная, грязная, кучерявая. И в этой ботве шерудит огромный короткошёрстный кот. Наконец Ворсик устал и промок, вылез на белый свет, посмотрел ошалело окрест и прыгнул на пенёк. Комель от старого погибшего от неведомой болезни вяза – его собственность. Ворсик замер, как египетское изваяние, обсох на солнышке и начал вылизываться. Без малого час он вылизывал лапы, бока, подхвостье, потом умылся лапкой, не забыв молодцевато пройтись по усам. Ещё посидел, вздохнул глубоко – и опять в морковь – надо!

За этой сценой из окна с умилением наблюдала чистенькая пенсионерка Марья Ивановна. Жила она в сельской местности, и жила безбедно, потому что получала вознаграждение от любимого племянника. Лёвушка был удачливым бизнесменом. Он, словно кипятильником, оттаивал ледяной поток бытия, и Марья Ивановна спокойно дрейфовала в этом Гольфстриме в неизвестном направлении. Впрочем, если задуматься – понятно куда: к чёрной дыре, – но думать об этом не хотелось, да и рано.

Марья Ивановна была женщиной с большим достоинством и уважением к себе. Хвалиться ей было особенно нечем – обычная трудовая жизнь, – но ума старушке было

не занимать. Самоуважение к себе она подчёркивала тонкими рассуждениями. Человечество грубо делится на две части: собачников и кошатников. Если человек не держит ни собак, ни кошек, достаточно задать ему прямой вопрос: кого предпочитаешь? На этот вопрос люди обычно отвечают откровенно, не подозревая, что приоткрывают тайное тайных.

Кто такие собачники? Это, как правило, дисциплинированные, не злые, но безынициативные люди. На вид собачник, может, и крутой, но ему всегда в жизни нужен попутчик, необходимо, чтоб этот попутчик (собака или кто-то ещё) всё время выказывал ему свою любовь, преданность, и постоянно поощрял, подчёркивал, что идёшь ты в правильном направлении.

А хозяева кошек – совсем другие люди. Волей-неволей, но они похожи на своих животных свобододолюбием и независимостью. Хозяева кошек гуляют сами по себе, и как бы они ни любили своих питомцев, ни в коем случае не ждут от них навязчивого изъявления своих чувств. Никакого виляния хвостом, никакого восторженного визга, подпрыгивания и желания лизнуть в щёку. Потрёшься вечером о ногу, я тебя поглажу, – впрочем, у тебя своя жизнь, у меня своя. И радикулит по ночам греть Ворсика тоже никто не заставляет.

Марья Ивановна была одинока. Правильнее сказать, что она была вдовой, но пенсионерка не любила этого слова. Брак её был столь короток и призрачен, что вспоминать о нём не хотелось. И детей Господь не послал. Поначалу жа-

лела, а как стала старше да мудрее, так и порадовалась своей бобыльей судьбе. Посмотри внимательно вокруг – и ужаснёшься, – сколько женщин мучаются с мужьями-бабниками и пьяницами. Взять хотя бы контору, в которой Марья Ивановна мирно проработала тридцать лет. Зав. отделом Натан Григорьевич ушёл от третьей жены к четвёртой, главный инженер Ольга Петровна на репетитора для дочери садовый участок продала – и всё зря, Наталье Эдуардовне из сантехнического внуков подсунули непутёвые дети, Ираида Семёновна к знахаркам ходит, чтобы мужа от пьянства отлучить... Перечислять человеческие беды – пальцев на руках и на ногах не хватит. Ну их всех!

Марья Ивановна была кошатницей, и этим всё сказано. Это сейчас у неё один Ворсик, а в былые дни и по четыре кошечки зараз держала. При её чистоплотности это было иной раз и накладно. Но так уж получилось. В молодости одна мысль, что ещё слепых котят можно утопить, приводила её в ужас. А потом она успокоилась. И специальная женщина сыскалась, которая стала за малые деньги регулировать поголовье в её полосатом семействе. Жизнь кошачья короткая – иной сбежит, другой с крыши сиганёт, а то и машина его, сердешного, переедет. Марья Ивановна не понимала людей, которые, потеряв любимого кота, закатывали глаза к небу и говорили: «Ах, теперь я никогда не заведу себе ни кошки, ни собаки. Ещё одной смерти я не перенесу!» Глупости это! Жизни без смерти не бывает. Марья Ивановна придержи-

валась твёрдого правила: погиб любимый кот или кошка – неделю скорби, а там езжай на птичий рынок и покупай нового. Когда любимый Мурзик умер от старости, Марья Ивановна как раз собиралась это сделать, но судьба сама ей подсунула нового кота.

Ворсика она нашла на улице. В жуткую осеннюю стужу котёнок сидел на канализационном люке. Он уже не мяукал, потому что охрип и голос сорвал, он уже совершенно отчаялся и ни во что не верил. Марья Ивановна сделала из «Семи дней» кулёк, посадила туда несчастного и понесла домой. Вошли в подъезд. От сквозняка что-то зашелестело в тёмном углу – видимо, брошенный пакет пришёл в движение. В котёнке проснулся охотничий азарт, а может, чувство благодарности подтолкнуло его к подвигу. Во всяком случае он выпрыгнул из кулёка и пошёл ловить, но после трёх шагов упал бездыханным – силы его оставили.

В тепле квартиры он, бедный, два дня спал, потом очухался, полакал молочка. Вид у него был очень дохленький. Марья Ивановна отнесла котёнка к ветеринару. При осмотре выяснилось, что у него грыжа, блохи и, кажется, стригущий лишай. Ветеринар уложил котёнка на операционный стол, рядом поставил нашатырь.

– Держите его за ножки, – сказал он Марье Ивановне. – Приступим.

– А зачем котёнку нашатырь?

– Это не котёнку. Это вам.

– Глупости! – возмутилась Марья Ивановна. – Я-то выдержу. А грыжу вправлять больно? Он совсем дохлый. И голый. Ворса совсем нет.

– Подкормите, и ворс появится.

Так определилось имя котёнка – Ворсик. После операции он принялся расти. По мере возмужания у кота менялся характер. Когда от бывшей дохлой ости не осталось и следа, Ворсик превратился в задиру, хулигана и отчаянного смельчака. Он не боялся даже доберманов. Соседи увещевали:

– Следите за вашим котом! Он вчера моему Гамлету чуть глаза не выцарапал!

Кончилось дело тем, что собаки обходили места прогулок Ворсика стороной. Но по-настоящему его характер развернулся в деревне. Правда, дворовые собаки не такие трусы, как породистые. Блохастый Уголёк так ему поддал, что Ворсик полдня провалялся на диване. Но куры, утки, даже гуси-великаны при виде Ворсика спешили отойти на приличное расстояние. Местные коты тоже предпочитали не связываться. Фёдорову кошку, уродливую коротколапую Фросю, он так загонял, что она предпочитала днём отсиживаться в укромных местах на собственном дворе или в кроне старых деревьев. И главное – Ворсик всё понимал! Скажешь ему:

– Ну что ты так безобразничаешь? Лёва приедет, ему на тебя жаловаться будут. Стыдно ведь!

Кот на такие слова вздохнёт, отвернётся и станет смотреть на облака. Философ...

Я так подробно описываю незамысловатую и чистую жизнь Марьи Ивановны, чтобы пояснить, как сложно ей было пережить и осмыслить целую череду страшных и загадочных событий, свалившихся на её голову. Она стала не только свидетельницей этих событий, но и непосредственной их участницей. С Марьи Ивановны всё и началось.

Пятница, вторая половина дня. Настырный Фёдор уже три раза наведывался с вопросом – топить ли печи в банном доме или погодить? И все три раза Марья Ивановна неизменно отвечала:

– Как только Лёвушка или кто-нибудь из гостей придет, тут же и топи.

– Так ведь не успеет истинный жар к сроку!

– А если они сегодня вообще не придут?

– Лев Леонидович твёрдо сказали – будем. И чтоб всё было в аккурате.

И так этот Фёдор надоел, что в шесть вечера Марья Ивановна не выдержала:

– Топи! Если не придет Лёвушка, то устроим всему поселку банный день!

Фёдор и затопил. Лёвускин джип подъехал к банному дому, когда было уже совсем темно. С любимым племянником прибыла, как всегда, его секретарша Инна, особа вздорная и прилипчивая, как банный лист, и какой-то незнакомый мужчина. В темноте Марья Ивановна его плохо рассмотрела. Запомнила только, что он был странно одет. Понятное дело –

лето, жарко, но ты подбери себе такую одежду, чтобы она на исподнее не была похожа. Нельзя же перед людьми появляться в белых кальсонах! Хотя чёрт их сейчас разберёт, если у дам белый бюстгальтер с панталонами называется вечерним костюмом. Право слово, замухрышку эту, Инку, именно в таком наряде и видела.

– Лёвушка, что ж ты так поздно? – запричитала Марья Ивановна, целуя племянника.

– Работа, тётъ Маш.

– Я уже спать нацелилась.

– А ты ложись. Ещё Костик приедет с женой, а больше никого не будет.

– Какой Костик?

– Ты что, Константина Лифшица не помнишь? У него жена Лидия. Ты с ней ещё про Пикассо спорила.

Мария Ивановна помнила Лёвушкиного сотрудника – рыжего и ражего Константина по прозвищу Фальстаф. А Лидия запала ей в память вовсе не из-за Пикассо, а из-за текилы, до которой томная дама была большой охотницей.

– Кому где стелить?

– Если надо будет, мы сами на втором этаже постелим. Но, думаю, мы тебя не потревожим. Останемся все в бане ночевать. Места хватит.

– Так мне запирать дверь?

– Как хочешь. По-моему, гроза начинается, – добавил Лёвушка, оглядывая небо.

На этом и расстались. Марья Ивановна со спокойной совестью улеглась в кровать. Это одно название – «баня», а на самом деле – моющий комбинат, каприз миллионера с сауной, парилкой, небольшим бассейном и двумя спальнями. Соседствующий с баней дом, в котором летом жила тётка то ли сторожихой, то ли домоправительницей, был куда скромнее.

Марья Ивановна уже не слышала, когда приехала Костинова машина. Пенсионерка спала и видела сны. Рядом, уютно выпростав морду из-под одеяла, почивал Ворсик. Марья Ивановна легла на первом этаже в спальне, которая формально принадлежала племяннику, но он почти никогда в ней не ночевал. Вообще Лёвушка редко навещался в своё загородное жильё, всего третий раз за лето прикатил. И в отпуск сюда не приедет. Понесёт его нечистая в какие-то Канары.

Широкая итальянская кровать была очень удобной. Отличная придумка человечества – противорадикулитный матрас: так тебя всю объемлет, словно на воде спишь. Спальня была нарядно обставлена: и шторы, и вазы, и трёхстворчатое трюмо – всё покупалось в дорогих магазинах. Импорт, одно слово, вот только была электропроводка своя, отечественная, а потому барахлила. Выключатель в спальне жил своей собственной жизнью. Щёлкнешь кнопкой, а свет не зажжётся. Потом подумает и спустя час вдруг и сработает, люстра вспыхнет, как иллюминация. Потом также по своему

разумению, без всякого чужого вмешательства, свет погаснет. Давно починить пора, да всё как-то не собрались.

Первый раз Марью Ивановну разбудила гроза. Молнии за окном так и полыхали, дождь лил ливня. Она закрыла окно, задвинула шторы. Прodelывая эти нехитрые действия, она с раздражением думала, что второй раз вряд ли так легко заснёт. Помнится, она решила принять снотворное, которое лежало в ящике в трюме. Вот тогда она машинально и щёлкнула выключателем. Свет, естественно, не загорелся, Марья Ивановна выругалась в сердцах и без всякого снотворного легла в постель.

И как отрубилO. Она и не слышала, как отгремел последний гром, гроза ушла за Калугу. А под монотонный сон дождя спится, как в детстве.

Второй раз в эту проклятую ночь она проснулась от яркого света. Все пять итальянских плафонов вспыхнули разом, саморегулирующийся выключатель опять сработал в удобное для него время. Но не о выключателе подумала Марья Ивановна, открыв глаза. К своему ужасу, она увидела склонённую над ней фигуру в плаще... а может, не в плаще, а в балахоне или в блестящем чёрном дождевике, рукава раструбом. На голове – шляпа – чёрная, широкополая. Видение продолжалось миг, ну разве что чуть-чуть побольше – раз, два, три... и свет опять погас. Дождевик и шляпу Марья Ивановна заметила боковым зрением, а чётко она успела рассмотреть только руку с зажатым в ней пистолетом. Рука выпросталась из дождевика, запястье было крепким, пистолет – блестящим, лакированным, как рояль.

И всё... свет погас. Нет, не всё. Свет не погас, она просто закрыла глаза. Марья Ивановна закрыла глаза и почувствовала, как Ворсик выпрыгнул из-под одеяла. После этого раздался истошный крик, потом стук каблуков – незадачливый убийца стремительно мчался к выходу. Наконец стукнула входная дверь, и всё стихло. Когда она открыла глаза, в комнате было темно.

Мать Божья, что это было? Первое, что сделала Марья Ивановна, вскочив с кровати – кинулась в прихожую и за-

перла входную дверь. Но что толку её запирать? У негодяя был ключ! Или не было? Бедная женщина никак не могла вспомнить, закрыла она дверь перед сном или оставила незапертой в ожидании Лёвушкиных гостей.

После этих стремительных телодвижений надо было сразу принять валидол. Но на это у неё не хватило сил. Марья Ивановна опустилась на лавку в прихожей, отдышалась и сразу стала воспроизводить в памяти происшедшее. Это было так же сложно, как вспомнить последовательность сна. И столько же, сколько в сновидении, было смысла в этой истории. Естественно, убийца покушался на Лёвушку. Не на неё же! И ведь точно знал, мерзавец, где находится спальня хозяина. Вывод напрашивался сам собой: это был кто-то из своих. Из дачников или аборигенов.

Ну, вспоминай же, трусиха, что успела увидеть за эти три секунды? Лучше всего ей запомнилась рука с пистолетом, *его* рука в перчатке. Или без перчаток? Но почему именно его рука? Может быть, это была женщина? Во всяком случае, шаги убийцы были лёгкими, поспешными... Мужики обычно так топают... И очень много волос на голове. Но попытайте её – Марья Ивановна не могла вспомнить, были ли это выпростанные из-под шляпы лохмы или попросту борода. Если борода, то наверняка накладная. Когда убийца идёт на дело, то лучшего маскарада, чем искусственная борода, не придумаешь. Но не исключено, что это никакая не борода, а просто шарф. Правда, убийца мог надеть маску, но, говорят,

маска мешает зрению. А он целился прямо в лоб. Если лоб на расстоянии полуметра, здесь и в маске не промахнёшься.

Теперь... шляпа. Она могла быть как мужской, так и женской. С широких полей её капала вода. Почему она рассмотрела дождевые капли, но не запомнила лица, не удосужилась заглянуть убийце в глаза? Испугалась... да. Очень! Возникло подсознательное чувство, что если она взглянет ему в глаза, то он (или она) тут же выстрелит. Люди по-разному ведут себя при эмоциональном возбуждении. Это либо агрессия и крик, либо полное замирание, желание притвориться мёртвым. Марья Ивановна пошла по второму пути, она как бы притворилась мёртвой, потому и закрыла глаза.

Убийца испугался включённого света ещё больше, чем Марья Ивановна. Разумеется, он решил, что кто-то вошёл в комнату. Он же не мог предположить фокуса с выключателем. В ужасе он бросился бежать. Но почему он так истошно заорал?

У Марьи Ивановны мелькнула догадка. Она поспешила в спальную, зажгла настольную лампу. Так и есть. На кипенно-белом пододеяльнике виднелись бурые капли. Кровь! Верный Ворсик почувствовал опасность и в минуту эмоционального возбуждения пошёл по первому пути. Он выбрал агрессию и бросился на защиту хозяйки. Мария Ивановна знала, как ведёт себя её кот, если в нём пробуждается боевой дух. Анне Васильевне – левый последний дом – он вцепился в ногу, и даже носок не помешал прочертить на икре две

страшные кровавые борозды. А только и дел было, что Анна Васильевна замахнулась на Ворсика шваброй. Кот пугал её кроликов, потому она и погнала его из сада. Ворсик не сразу стал отстаивать свои права на «гуляю, где хочу». Он выждал неделю, а потом и вцепился в беспечно вышагивающую ногу.

Скандал был страшный! Мария Ивановна потом наказала Лёвушке купить коробку хороших конфет. Анну Васильевну необходимо было задобрить, потому что именно у неё покупались молоко и сливки для этого полосатого поганца.

Мария Ивановна выглянула в окно. В бане шла своя жизнь, но свет в боковой спальне не горел. Видно, кто-то уже получил свою порцию пара и выпивки и теперь отправился на боковую. Часы показывали начало третьего.

Понимая, что не заснёт, Мария Ивановна всё равно легла в постель. Теперь её мучила другая мысль. А ну как убийца-неудачник пробрался в баню и сделал своё чёрное дело? Правда, она не слышала выстрела, но его и невозможно было услышать в эту грозу. Утешать себя можно было только тем, что убийца не посмеет стрелять из пистолета на глазах Лёвушкиных друзей. И потом – кто же убивает в бане? Нет. Это совершенно невозможно!

Когда начало светать, Мария Ивановна готова была вскочить и мчаться в баню, чтобы проверить – не пострадал ли любимый племянник. Но на этот раз её остановил уже не страх, а чувство неловкости. Люди молодые, парятся они всегда с большим количеством спиртного. Их теперь не до-

будишься. Но есть в компании и разумный человек. Инка, конечно, дрянь, но она никогда не оставит дверь нараспашку.

3

Предлагаемые читателю события развёртывались жарким летом в небольшом поселении, раскинувшемся на высоком берегу чистой и полноводной реки. Я употребляю термин «поселение», поскольку затрудняюсь назвать этот населённый пункт дачным посёлком, равно как и деревней. Это именно поселение – симбиоз, естественное слияние города с деревней.

На высоком берегу реки Угры произошло то, о чём мечтали большевики. А произошло это потому, что деревня к описываемому времени совершенно умерла. Остались только развалины когда-то гордого собора, обширное кладбище, которое неуклонно пополнялось новыми могилами – покойников сюда везли со всей округи, – и пять домов бывших колхозников. Вот к этим кривым, косым, щелястым домам и приткнулись горожане-москвичи.

Место это, называемое Верхним Станом, отличалось удивительной живописностью. Берег, который спускался к реке пологими уступами, зарос пахучими травами и удивительной крупноты ромашками. Подножье угора с одной стороны окаймлялось ручьём. Вдоль ручья раскинулись совершеннейшие джунгли, а выше, там, где обнажились рыжие валуны известняка, в каменистую почву вцепились корнями вековые сосны. В бору и по сию пору не вытоптаны разноцвет-

ные мхи, а маслят по хорошей погоде столько, что ногу негде поставить. По левую сторону угора тянутся вдоль реки дубовые и берёзовые рощи, перелески образуют круглые поляны, на вырубках тьма земляники. Рай, одним словом.

Обычно деревенские называют горожан, купивших у них жильё, дачниками, хоть те зачастую живут в крестьянских избах, держат кур и сажают огороды. В Стане горожан называли «художниками» – по профессиональной принадлежности жителей двух домов.

Лет пятнадцать назад, сплавляясь по Угре на байдарке, Флор Журавский, сейчас известный в Москве художник, а тогда недавний выпускник «Суриковки», заприметил старый собор и окрестную красоту. Флор и вбил здесь первый кол будущего посёлка. Но опять же – какой посёлок? Всего пять домов дачного типа, из которого пятый и вовсе был ба-ней.

Однако вернёмся в ту сумасшедшую ночь, с которой мы начали наше повествование. Гроза не утратила силы, но отошла от Верхнего Стана, однако совершенно нельзя было понять – в какую сторону. Молнии вспыхивали и справа, и слева, и лишь южная часть неба (та, где по вечерам зависал над кладбищенской сиренью кровавый Марс) была глуха и темна. А север так и бесновался! Иной раз и яркого очерка молний не угадывалось, небо словно вспыхивало апельсиновым заревом, и сразу возникал злобный басовитый грохот грома. Зарницы высвечивали пойму реки, густые заросли Чёрного

ручья, сосновый бор на том берегу и развалины церкви, конечно. Церковь парила здесь над всей округой.

Двое мужчин стояли на останках паперти, а потом, не стовариваясь, вошли под своды разрушенного храма. Можно описать их со стороны, но только описать, потому речь их, злобная и выразительная, заглушалась раскатами грома. Они были примерно одного роста, но один был худым, мосластым, и всё сутулился, словно пытался принять боксёрскую стойку, а второй – широкоплечий крепыш, по-бычьему наклонял голову. Круглая голова его была столь основательна, что вовсе не нуждалась в шее и держалась на могучем тулове исключительно под собственной тяжестью. Оба размахивали руками, били себя в грудь, что-то доказывая, словом, ругань шла на грани отчаяния. Мужчины уже вымокли до нитки, что, однако, никак не остужало их страстности.

Крича, круглоголовый наступал, а сутулый пятился в глубь церкви. Отдалённый гром заворчал и смолк, и тут же затеяли перекличку собаки. Оба скандалиста смолкли на минуту, озираясь и прислушиваясь, а потом с новым жаром возобновили спор. Речь сутулого выдавала в нём культурного человека, круглоголовый разнообразил свою речь ядрёным матерком. Хотя не исключено, что диплом о высшем образовании у него тоже имелся. Как говорится, высшее без среднего, кто их теперь разберёт?

– А я тебе говорю, что согласен, – твердил круглоголовый. – Нет у тебя всех денег – отдай те, которые есть.

– Да никаких у меня нет! Ты понимаешь человеческую речь? – отмахивался сутулый. – Я тебе внятно говорю, что всё сделаю сам.

– Уговор был? Был!

– Не нашёл я этих денег. Я тебе предлагал меньшую сумму, ты отказался.

– А теперь согласен. Только поторгуемся.

– Нет!

– Кусок!

– Пошёл к чёрту! – возопил сутулый.

– Но-но!.. В храме не сквернословить.

– Ты себя послушай!

– Я ЕГО не поминаю. Давай так: девять сотен, и по рукам.

– Нет у меня таких денег. Пустой я!

– Не ври. Я сам у тебя видел пачку зелёных.

– Истратил. Я покупку сделал. Важную.

– Что же это за покупка такая?

– Не твоего ума дело!

Пятясь назад, сутулый то и дело спотыкался. Когда-то мощёный церковный пол пришёл в полную негодность. Да и вся начинка храма рождала в голове опасные мысли. Идеальное место для убийства! Оконные проёмы напоминали пробитые снарядами дыры, кое-где сохранились косо висевшие решётки, и трудно было представить, какой мощностью обладал человек, выламывающий их и завязывающий прутья в узлы. В пределах сохранились фрагменты фресок, свет молний вы-

хватывал из темноты лики святых. Роспись была поздней, для искусствоведов она не представляла ценности, и некому было защитить во времена оны несчастный храм. Удивительно, что сохранилась лестница, ведущая на хоры. Она была металлической. Деревянную лестницу окрестные пейзажи давно бы растащили на дрова, а с металлической возни не оберёшься. Несколько ступенек, правда, удалось вырвать из своих гнёзд, – зачем-то они понадобились в хозяйстве.

Ругаясь, мужчины успели протопать через весь храм, не миновали и алтарь, из которого сутулый, сделав зигзаг, благополучно вышел. Разговор зашёл в тупик, и единственным желанием последнего было в этот момент дотянуться до двери и дать стрекача. Но в запальчивости он потерял бдительность и ступил на нижнюю металлическую ступеньку лестницы. Может быть, им двигало желание возвыситься над круглоголовым, кто знает. Во всяком случае, этот шаг был ошибочным: сутулый попался, как в капкан. Теперь у него был только один путь – карабкаться вверх, пытаясь поймать рукой несуществующие перила. Не нащупав ногой очередную ступеньку, сутулый сел и взвыл плаксиво:

– Что ты ко мне привязался? Мы же обо всем договорились. Не сошлись в цене, а потому разбегаемся. Так поступают деловые люди.

– Скажите, какой бизнесмен! Ты из себя Гагарина не строй. Я уже на месте! Понял? И при оружии! Не отдашь деньги, так я тебя самого здесь прибую, бесплатно, – кругло-

головой схватил сутулого за грудки.

– Пусти, идиот! Пока ты ещё никакого дела не сделал. А за обещание деньги не платят.

Сутулый неведомо как вырвался из крепких лап и довольно ловко побежал наверх. Круглоголовый загромыхал за ним.

– Дело сделать – что плюнуть, ты поклянись, что деньги сразу отдашь...

Их фигуры растворились в совершенной темноте второго этажа. Голосов тоже не было слышно, только скрипела, раскачиваемая ветром, висевшая на одном гвозде ржавая ставня.

Мария Ивановна так и просидела на кровати, не заснув до утра. На коленях её прикорнул беззаботный Ворсик. Он спал, а пенсионерка внимательно следила, как светлеет окно, и прикидывала, в какой час будет не стыдно и уместно разбудить Лёвушку, чтоб сообщить ему о ночном происшествии. Девять – рано, двенадцать – поздно, десять – самое то.

Однако до десяти часов утра Мария Ивановна столкнулась ещё с одной неожиданностью. Оказывается, ночь в доме она провела не одна. В спальне на втором этаже поперек кровати лежала Лидия, жена Константина. Длинные, ещё влажные волосы её свисали до пола. Она была завёрнута в банную, перепачканную зелёными травяными разводами простыню (понятное дело, вчера газон стригли). Из этого кулька торчали напедикюренные ноги с розовыми пятками.

Потом Мария Ивановна рассказывала Лёвушке: «Конечно, я закричала. Я ведь думала – труп. Вначале её застрелил, потом ко мне пожаловал! Я хотела немедленно бежать к людям!» Но любопытство пересилило. Марья Ивановна обошла кровать, склонилась над несчастной. Стоило пенсионерке почувствовать густой сивушный дух и дотронуться до сдобного тёплого плеча, как страхи её пропали. Жива, голубушка! К бледной щеке Лидии прилипли травинки и лепестки каких-то сорняковых цветков. Зная голубушкин харак-

тер, Марья Ивановна вполне могла предположить, что Лидия пришла в дом не своим ходом. Очевидно, её принес муж и сложил в спальне, как трофей. Угореть она не могла – в Лёвушкиной бане не угорали, – а просто перепилась, стала буяннить и портить людям настроение. Правда, похоже, что Константин не на руках её нёс, а волочил по мокрой траве.

Всё это целиком меняло картину событий. Кто бы ни доставил в дом ночью Лидию, дверь он открыл Лёвушкиным ключом, а потом забыл запереть – это раз. Два – тоже обнадеживало. Не исключено, что мерзавец с пистолетом, явившись в дом, охотился вовсе не за Лёвушкой, а за этой голой мочалкой.

Население банного дома очухалось только к часу дня, и когда на открытой веранде все уселись пить кофе, Марья Ивановна отозвала племянника в сторону. Оказалось, что её догадки насчёт Лидии верны: она ещё в машине прикладывалась к бутылке, а в парилке её совсем развезло. Лидию волокли в дом сам Константин-Фальстаф и гость по фамилии Пальцев, – тот самый, в исподнем.

Выяснив насчёт Лидии, Марья Ивановна приступила к главной части своего рассказа. Днём история с незнакомцем и пистолетом выглядела совсем не страшной, можно даже сказать – комичной, поэтому Марья Ивановна ждала, что племянник рассмеётся и скажет: вот, попугал кто-то пенсионерку шутки ради. А Лёвушка неожиданно стал серьёзен. Он выспросил у тётки все подробности. Особенно его интересо-

вало, как выглядел ночной гость. А шут его знает, как выглядел! Пенсионерка повторила те невнятицы, которые успела запомнить: чёрный плащ, мокрая шляпа, волосы...

– Идиот! – бросил в сердцах Лёвушка и ушёл к гостям, поправляя на руке сбившийся бинт.

Марья Ивановна так и не поняла, себя он обругал или незнакомца с пистолетом. Она проводила племянника сочувствующим взглядом. Бедный мальчик, руку где-то поранил. Он и в детстве был такой – неспортивный, неповоротливый, только синяки да ссадины ловил на лету. Но голова при этом всегда была золотая. Сейчас говорят, – чтоб разбогатеть, надо быть бандитом. Неправда ваша! Лёвушка разбогател именно за счёт своих мозгов. Если человек талантлив, то он и в химии понимает, а именно – по неорганической химии мальчик защитил диссертацию (выговорить название темы Марья Ивановна была не в состоянии), а потом и финансистом стал блестящим. И как это горько, что её добрый удачливый Лёвушка боится ночного негодяя. А то, что он его испугался, Марья Ивановна поняла со всей очевидностью.

Здесь, как озарение, пришла в голову свежая мысль. Если в её дом наведался кто-то из своих, то его легко можно будет сыскать, потому что Ворсик оставил на нём свою метку. След от когтей долго заживает. Надо пройти по домам. Пожалуй, женщин из числа подозреваемых можно вычеркнуть. Деревенских она до времени тоже решила не учитывать. Сейчас суп заправит зеленью и пойдёт. Её визит никого не удивит – в

одном доме соли попросит, в другом – секатор (свой куда-то подевала), в третьем спросит, как защитить от фитофторы помидоры, а сама тем временем пересмотрит все руки.

Идея понравилась Марье Ивановне не только тем, что она помогает племяннику, но и романтическим флёрром, в которую были облачены её визиты. «Майскую ночь» читали? Да-да, Гоголя Николая Васильевича. Там панская дочь ударила саблей по лапе ведьму, оборотившуюся кошкой. А потом днём по перевязанной руке она её и угадала. Только неприятно, что ведьма оборотилась кошкой. Зачем Гоголь в своей байке очернил благородное животное?

Последняя мысль недолго занимала Марью Ивановну. Уже азарт жёг ей пятки. С кого начнём? С Флора, конечно. Флор меньше всего подходил на роль потенциального убийцы, но в его доме всегда было много гостей. С июня у него во времянке жили два молодых человека, художники. Это, конечно, уважаемая профессия, но и художник может быть убийцей и вором.

К разочарованию Марьи Ивановны, дом Флора был пуст. Он был уже в полях, где творил своё концептуальное доброе искусство. И помощники были при нём. Но не губить же в самом зародыше хорошую идею. Пенсионерка решила наведаться во второй дом, к скульптору Сидорову-Сикорскому, правой руке Флора. Если самого Сидорова дома нет, то Раиса наверняка на месте. По такой жаре она в лес за малиной не пойдёт, а земляника уже отошла.

Сидоров-Сикорский, старый, одышливый больной человек, тоже собирался в поля ваять какую-то неведомую конструкцию из дерева, лыка и сухих трав. Он растерянно кивнул гостю и потянулся к шляпе. Сидоров-Сикорский был вне подозрений, но Марья Ивановна успела взглянуть на его руки. Это были руки рабочего человека, ноготь большого пальца чернел от недавнего удара, гибкие пальцы уже тронул артрит, но кожа на запястье не имела никаких царапин.

Зато скисшая от жары и безделья Раиса отнеслась к появлению Марии Ивановны с полным восторгом и тут же принялась сооружать кофе из свежемолотых зёрен. Раиса была твёрдо убеждена, что растворимый кофе пьют одни плебеи. Пока эта немолодая женщина тарахтит мельницей, расскажем вкратце историю этой семьи. Право, она того заслуживает.

На долю Раисы выпали серьёзные испытания. О себе она не любила говорить, но муж был несчастлив, несправедливо обижен, унижен, потому и пил... сильно пил. И нигде ни малейшего просвета. Ну и ещё пытка бесквартирьем и безденеьем. Судя по виду этой немолодой женщины, горе совершенно сломило её дух, но это было неправдой. Раиса Станиславовна уже родилась с исплаканным лицом и брезгливой улыбкой, все удары судьбы принимались не столько с кротостью, сколько с твёрдым желанием укрепить дух, что обычно ей удавалось. И то сказать, для русской женщины Раисин венец мученичества так же привычен, как солдату каска.

Беда была в том, что Гоша (он же Геннадий Степанович) всегда ваял не то, чего ждало от него социалистическое общество. Кормился он преподавательской работой, но и в училище висел на волоске, потому что продолжал творить и предлагал выставочному комитету, ну... чёрт-те что, поверьте на слово. Потом подвернулся не просто выгодный заказ, а великолепный заказ – поясной портрет в бронзе, не большой, чтоб на стол поставить. Сидорову-Сикорскому позарез нужны были деньги, и он наступил на горло собственной песне.

Предварительно Геннадий Иванович сделал пять вариантов в гипсе. Человек он был талантливый, халтурить не умел, – натура в этих гипсах выглядела как живая. И все пять портретов худсовет забраковал. Геннадий Иванович вышел на улицу с авоськой в руках, в ней лежали злополучные гипсы. Настроение было отвратительным. Недрогнувшей рукой он высыпал все пять гипсов в урну, пошёл в ресторан и на последние деньги чудовищно напился.

Вы, наверное, поняли, что натурой для поясного портрета служил В. И. Ленин. Поднялся чудовищный вой: вождя пролетариата – в урну! Сидоров-Сикорский после этого случая уже не просыхал. Из пьянства его Раиса вытащила. Мало того, она все пороги обила и добилась-таки своего – через пять лет Геннадия Ивановича восстановили на преподавательской работе. При этом запретили преподавать скульптуру, поскольку он испоганил саму идею воплощения лица

Великого, но доверили вести рисунок. Тогда-то и свела Сидорова-Сикорского судьба с Флором. Последний стал любимым и благодарным учеником.

А на старости лет судьба вдруг и улыбнулась, защитила от нищеты. Деньги на дом в Верхнем Стане дала дочь. Раиса очень гордилась дочерью и любила рассказывать про её успехи в бизнесе. В Верхнем Стане дочери их никто не видел, некоторые полагали, что это вообще миф.

– Вам со сливками?

– С молоком, если можно. Уже надо поберечь печень. И без сахара.

– Хотите мёд?

– Мёд – это другое дело. Сахар – это яд.

– А мёд – жизнь. Между прочим, Клим Климыч про вас спрашивал. Вы ему мёд заказывали?

– А что обо мне спрашивать? Мы так с ним и договаривались: как накачает мёд – принесёт.

– Он не любит к вам ходить, когда у вас гости. А с помидорами, Марья Ивановна, я вам ничем не могу помочь. Я ничего не понимаю в фитофторе, и книг по садоводству у меня нет. У меня вообще ничего не растёт. И тем более помидоры. Для этого вам, пожалуй, лучше пойти к Светочке...

Речь шла о третьем доме, в котором обитала семья бизнесмена и строителя Харитонова, которого все называли архитектором. Это он в своё время строил Лёвушке дом, а как почувствовал, что последний богатеет на глазах, уговорил ещё

построить чудо-баню. Харитонов выписал из Москвы самых дорогих строителей: печников, кровельщиков, сантехников.

Марья Ивановна воздевала руки: Лёвушку грабили на глазах, а племянник только посмеивался. Но когда кончилось строительство, он разругался с Харитоновым в пух и прах. Из-за сметы и поругались. Потом как-то обошлось. О былой дружбе не было и речи, но браниться и угрожать друг другу перестали. Светлана Харитонова, худенькая дамочка в джинсах, продолжала как ни в чём ни бывало ходить к Лёве в дом и Марью Ивановну зазывала к себе в гости. Умная женщина всеми силами пыталась восстановить отношения мужа с богатым клиентом. У Харитоновым было двое мальчиков-близнецов. Редкий случай – они совершенно не были похожи. Один в отца – носатый и белобрысый, другой в мать – чернявый и хорошенький. Похожи они были только нравом – оба пронырливые и горластые.

– Но сегодня к Светочке лучше не ходить.

– Почему?

– Они уже с утра ссорились. И вечером тоже крик стоял, как на базаре. Харитонова шершень в голову укусил. Я его видела...

– Шершня?

– Нет, Харитонова. У него нет глаз. Совершенно заплыли – такой отёк. И он во всём винит Светочку: зачем она его заставила собирать смородину? Вы слышали, какая была ночью гроза?

– Да уж... А вы чужих сегодня никого не видели?.

– Что значит чужих? – удивилась Раиса.

– Ну... незнакомых, которые раньше сюда не приезжали.

– Марья Ивановна, что-то я вас не понимаю. Да здесь каждую субботу появляются новые гости, которые раньше сюда не приезжали. Случилось что-нибудь?

– Нет-нет... Так у вас нет секатора?

– Какого секатора?

– Раиса Станиславовна, я всё перепутала. Простите меня.

У вас я должна была спросить про фитофтору...

Вид у Раисы был озабоченный: милейшая соседка явно заговаривалась. Марья Ивановна не стала её разубеждать. Визит не был совсем бесполезным. Во всяком случае, двух мужчин она с полным основанием может вычеркнуть из своего списка. Безглазый после укуса шершня архитектор не пойдет убивать или грабить дом.

Направляясь к пасечнику Клим Климычу, Марья Ивановна так и не решила: сразу выбросить его из списка подозреваемых или немного поиграть в детектива. Клим Климыч жил как раз на стыке города и деревни в купленной в незапамятные времена избе. Шестьдесят семь лет, бывший пожарник, работяга и труженик, но... Пасечника стоило проверить хотя бы потому, что он был неприятным человеком с двойным дном. Природа создала Клим Климыча вредным и завистливым, а потом в насмешку, а может быть, в назидание окружающим вдохнула в его глаза-щёлочки показное добродушие и также пририсовала клейкую, несмываемую улыбку.

На словах льёт елей, а на деле всех раздражает. Уж на что художники покладистый народ, но и их достал, заставляя пребывать в точке постоянного кипения. Клим Климыч был начисто лишён чувства красоты. В самых ответственных местах – там, где виды, панорамы и стартовые площадки для полёта воображения – он возводил отвратительного вида сараи из старой фанеры, гнилых досок, спинок кроватей и ржавых щитов. В сараях Клим Климыч держал инвентарь и старые, требующие починки ульи. Пчёлы его были кусачие, но мёд давали очень вкусный.

– А... пришла. Будешь своих волкодавов моим мёдом кормить?

– Клим, да что вы такое говорите? Почему волкодавов?

– Я правду говорю. Не волкодавы, так тунеядцы.

– Но уж моих домочадцев вы бездельниками никак не можете назвать. Они работают по двадцать часов в день. А здесь они отдыхают. Имеют право. Я вот что хочу спросить. Вы человек наблюдательный, – Марья Ивановна беззастенчиво льстила пасечнику. – Вы не заметили в деревне вчера подозрительных людей? Ну, в смысле, чужих...

Пасечник внимательно посмотрел на гостью.

– А тебе зачем? У Линды с утра дым из трубы идёт. Говорят, кто-то к ней в пятницу приехал.

Старуха Линда жила у кладбища, и деревня по старой памяти называла её сторожихой. Когда-то в церкви хранили зерно, Линда числилась тогда ночным сторожем. Сейчас она была стара, слепа, по виду совершеннейшая колдунья. И вообще Линда была Плохая Старуха. Сын её был не только пьяница и вор, но и сидел за тяжкое. Сама сторожиха варила недоброкачественный самогон, подворовывала цыплят, однажды даже у Анны Васильевны овцу увела, а всем сказала, что видела у колодца волка, де, он овцу и зарезал. Еще говорили, что у Линды плохой глаз, она умела портить коров и отнимала у людей спорость. Последние качества иные считали сомнительными, приборами спорость, то есть ловкость в делах, не измеришь и вообще на этот счет доказательств нет никаких. Но ведь люди зря говорить не будут. На всякий случай народ остерегался злить Линду. Мало ли что...

– А не вернулся ли часом её беспутный сын? – воскликнула Марья Ивановна.

– Не... тому долго сидеть. Но что Линда большую стряпню затеяла, это точно. Подожди, я тебе для мёда удобную сумку дам. Крышка и трёхлитровка за тобой. А то моду взяли – банки не возвращать!

Автор понимает, что все эти подробности замедляют сюжет. Если в романе появился пистолет, значит, будет убийство, а раз убийство – пиши по делу, не отвлекайся на пейзажи, пустые разговоры, описание характеров и судеб. Но ведь люди кругом, если подумать, каждый может быть задействован в сюжете. А если не думать, то при чтении выбрасывайте пустые, с вашей точки зрения, места, и дело с концом.

Лёвушка углядел тётку издали и сразу пригласил её на террасу. Теперь здесь пили пиво с воблой. Крупную, обезглавленную, очищенную, влажно блестящую жирком воблу доставали из нарядной упаковки, раскладывали по тарелкам и резали на поперечные куски.

– Садитесь, тётъ Маш. Вы такого пива и не пили никогда. Нектар! – Костя-Фальстаф суетливо пододвинул пенсионерке кресло.

Марья Ивановна скосила глаза на его руки – вне подозрений: ни царапин, ни синяков.

– Я не люблю пиво. А воблы вашей попробую.

– Тётъ Мань, может, мартини? – спросила Инна, играя в доброжелательность. Мартини с воблой... смешно.

У Инны было узкое длинное лицо, острый нос, нежный подбородок был тоже сильно заужен, и вся она была узкая, томная и грациозная. Воблу держит двумя пальчиками и не жуёт, кажется, а чуть-чуть придавливает аккуратными, чистыми зубками. Не жуёшь, так выплюнь! Что добро переводить?

Про себя Инна говорила, что у неё фиалковые глаза. Было, было – при определённом освещении, и особенно если она в сиреневой кофте и в аметистовых серьгах, появлялся в её нахальных, широко распахнутых глазах чернильный отблеск.

Второй дивы – Лидии – за столом не было, – видимо, ещё дрыхла. В отличие от резкой Инны, Лидия была тихая скромница, глаза всегда долу, при этом здоровья ей было не занимать, румянец во всю щёку.

И при всём этом обе красавицы были очень похожи друг на друга – не внешностью, а недобрым, надменным выражением лица. Злющие, одним словом. Как им только удаётся поддерживать в течение всего дня имидж роковых женщин? Марья Ивановна понаблюдала и поняла, в чём дело. Взгляд, конечно, играет существенную роль, но главное, обе расслабляют мышцы лица: никакого тебе удивления – от этого напрягается кожа на лбу, ни при каких обстоятельствах не радоваться – от улыбок ранние морщины. Настоящей красавице к лицу полная безучастность, а счастья как не было, так и нет.

– Тётя не пьёт мартини, – заметил Лев и добавил, придав голосу несколько натужную легкомысленность: – Здесь у нас, тёть Мань, история удивительная приключилась. Не помню, я тебя вчера с Артуром познакомил?

– Это тот, который в белых трикотажных штанах?

– Да, Артур Пальцев... У него, оказывается, зажигалка в виде пистолета. Он нас этой зажигалкой очень вчера развлёк.

– Он меня напугал, – перебил Лёвушку Фальстаф. – Куришь – кури, но зачем зажигалку на людей направлять? И целился, паршивец, прямо в лоб. Неприятно, знаете... Сидим оба, как древние римляне, в простынях, а тут вдруг этот дурацкий пистолет...

– Подрались... – как бы между прочим добавил Лёвушка и рассмеялся беззлобно.

– А зачем он Лидку в дом потащил? Это моя жена! Ты вначале заведи себе такую, а потом распорядись...

– Ну, такую найти не проблема, – подала голос Инна, вытягивая ноги, длинные и грациозные.

Фальстаф посмотрел на неё внимательно, пытаясь поймать за хвостик какое-то явное оскорбление, но голова после вчерашнего трещала отчаянно, и он оставил попытку обидеться.

– Но ведь ты Лидию уронил, – опять вмешался Лёвушка. – Артур не пьянеет, ты знаешь. Артур был в порядке. Он тебе человеческим языком сказал – ты её не донесёшь.

– А зачем он в меня зажигалкой целился? Я Лидию не

уронил. Я её просто на землю положил, чтоб этому умнику в рожу дать. И вообще, тебя там не было. Ты всё с чужих слов говоришь.

– Весело вы прожили ночь, ничего не скажешь, – укоризненно проговорила Марья Ивановна. – Я, пожалуй, попробую мартини. Раз дорогое вино, значит, вкусное.

– Костя жену на землю положил, а Артур подобрал, – тоном сказала Инна. – Я видела. Подбрал и в дом отнёс. И помешать ему это сделать Костик был уже не в силах.

– Перепил?

– Перепарился, тетя Маш. Перепарился... Там такая жарница была в парилке... Мы ведь не хотели Лидию к вам в дом нести. Ну, чтоб вас не будить. Главное, её надо было вынести на свежий воздух... А тут Артур суетится... Дождь льёт, как в душе. Мы все в простынях. Артур какой-то дурацкий плащ нашёл. Увязался за нами и всё торочит: «Дай мне. Ты её уронишь, дай мне...» А скользко, Лидка из рук выскальзывает. И абсолютно бесчувственная, как дохлая рыба.

– Фу, Константин...

– Инна, вечно ты со своим «фу»...

– Артур Лидию спас, в дом отнёс, а она ему за это рожу исцарапала, – досказал Лев.

– Защитила честь семьи, – закивал Костик.

– Да она просто тебя с Артуром перепутала, – Инна явно пыталась шутить, но шутку трудно представить без улыбки,

а здесь на улыбку не было и намёка – одна голая правда.

– Ваш Палецев – герой! Я всё поняла, – сказала Марья Ивановна, обращаясь к племяннику. – Ты хочешь сказать, что Артур ночью в моей комнате прикурить захотел? И для этого воспользовался своей зажигалкой?

– Предполагаю, – пожал плечами Лев.

Он явно давал тётке понять, что не хочет обсуждать в общей компании её рассказ про ночные страсти. Значит, Лёвушке зачем-то надо замять эту историю. Пусть так, Марья Ивановна не против.

– А где он сам – Артур? – спросила она кротко.

– Он в Москву уехал. По делам. Но завтра обещал вернуться.

– Рожу подлечит и вернётся, – хохотнул Костик и добавил, желая разрядить обстановку: – Ну какая всё-таки Лидка дрянь! Какая дрянь!

– В бессознательности была женщина. В полной отключке!

– Мы пробудем здесь до субботы, – сказал в довершение Лёвушка.

– Вот подарок так уж подарок, – обрадовалась Марья Ивановна.

– Теперь – купаться! А вечером – шашлык.

Путь от банной террасы до кухни в жилом доме был недлинным, но его оказалось достаточно, чтобы сомнения вновь овладели сердцем Марьи Ивановны. Лёвушка, добрая

душа, просто хотел её успокоить, но не стыкуется его рассказ с произошедшим ночью.

Положим, Артур благополучно дотащил Лидию до второго этажа. Что-то у них там произошло, и она оцарапала ему лицо. Возбуждённый молодой человек вошёл в первую попавшуюся комнату и решил выкурить сигарету. Так? Пока так... Но зачем возбуждённому человеку склоняться над спящей пенсионеркой? Зачем, пусть даже играя, целиться зажигалкой в спящую? И потом, режьте её, жгите огнём, но она не понимает, как капля крови с оцарапанной щеки попала на её пододеяльник. Не могла его Лидия так сильно оцарапать, чтобы у него с лица капало! Кого Лёвушка хотел успокоить своим рассказом – себя или её, любимую тётку?

Марья Ивановна решила непременно поговорить с самой Лидией. Поговорить надо деликатно. Мало ли что произошло в доме, когда она спала. Но желанию пенсионерки не суждено было осуществиться. Она не только не уследила, когда Лидия поднялась, но пропустила сам отъезд дивы с дачи. Оказывается, та прямо из спальни пошла в машину, заявив мужу, что и минуты не задержится в этом доме и за стол ни с кем не сядет. По дороге, правда, прихватила две бутылки пива и бутербродов на закуску.

Когда Фальстаф с супругой отбыли в Москву, Инна так прокомментировала их отъезд:

– Уехали, и хорошо. Эта Лидка, право слово, пирог ни с чем. А гонору! Единственное, что она хорошо в жизни дела-

ет, так это глаза красит. Глаза у неё совсем невыразительные, а она так умеет тень положить, что прямо тебе Вера Холодная. А во всём прочем – дрянь!

А утром в воскресенье, когда по телевизору как раз шла передача «Пока все дома», в Верхнем Стане произошло событие совершенно непотребное и страшное. В крапиве около старого собора был обнаружен мертвец. Неизвестный мужчина лежал на боку, на лбу длинная ссадина, а грудь продырявлена ржавым штырём, торчащим из поверженной на землю конструкции. Конструкция представляла собой уголок карниза, который ранее удерживал массивный барабан с луковицей. Уголок лежал возле северной части церкви в густо поросшей крапивой низинке. За какой надобой незнакомец попёрся в крапиву, понять было нельзя. Кроме того, близнецы – а именно они нашли труп – уверяли, что крапива была не помята и не стоптана, а стояла свежей стеной. Свой поиск близнецы предприняли из-за найденной на кладбище одинокой кроссовки – кожаной, синей, почти новой. Принялись искать вторую. И нашли. Нога с этой кроссовкой торчала из крапивы пяткой вверх.

Далее всё понятно. Близнецы помчались к отцу. Архитектор с трудом разлепил отёчные веки, – опухоль от укуса страшного насекомого ещё не прошла. Вначале он просто не поверил сыновьям, но когда вместо воплей и криков они вдруг оба заревели в голос, он пошёл на кладбище. Убедившись, что близнецы не «выдумывали всякий вздор», а гово-

рили истинную правду, Харитонов кинулся созывать мужское население Верхнего Стана.

Женская часть поселения явилась незваной. Вначале так и ринулись вперёд, чтоб рассмотреть получше, но потом остыли. По всему было видно, что покойник не один час здесь лежит. И не два, и даже не десять, потому что жара уже дала о себе знать. Не иначе как в грозовую пятничную ночь нашёл он здесь смерть: вода оставила на майке кровавые разводы. Молодой, лет тридцать пять, не больше. На лбу шишка и кровоподтёк. Не скажешь, одет по-городскому, – сейчас деревня и город одинаково одеваются, и всё же видно – не местный, и даже не районный, а областной, может быть, даже столичный. К такому мнению подталкивала особая щеголеватость в одежде покойного. И джинсы, и майка – не самошток, а всё самого высшего качества. Да и стрижка модная.

Флор только мельком глянул на труп, и сразу прыгнул в свой драндулет – помчался в районное Кашино за фельдшером и милиционером, а это без малого тридцать километров. Народ остался стоять над несчастным, чесать в затылке и негромко переговариваться. Женщины, как особы наиболее чувствительные, ушли первыми. Участь неизвестного мужчины их потрясла. Кроме того, как бы ни были женщины осторожны, – крапива оставила на голых ногах и руках любопытствующих крупные волдыри. И ещё запах, и мухи на трупе... Очень неприятно, знаете.

Все женщины разошлись, и только Инна стояла на месте, вцепившись в руку Лёвушки, да Марья Ивановна никак не могла оставить место событий. Ей немало труда стоило протолкнуться вперёд, чтобы взглянуть на руки мертвеца. Они были чистыми, никаких следов Ворсиковых когтей. Значит, не он... Пятясь, чтобы занять задние ряды любопытствующих, Марья Ивановна заодно разглядывала и их руки. В этой толпе ей было чем поживиться. У Фёдорова сына (учился в техникуме, к отцу приехал на каникулы) левая рука была заклеена пластырем, и как раз в нужном месте. Сам Фёдор тоже имел увечье. Его указательный палец, да и вся кисть, страшно распухли и были завязаны тёплой косынкой. «Змеюка куснула», – отвечал он на соболезнающие вопросы. Художник Игнат – из Флоровской команды – вообще прибежал к церкви в перчатках. Понятное дело, если ты в огороде сорняки рвёшь или занимаешься экологически чистым искусством – надевай перчатки, тебе никто слова не скажет. Но если ты с утра, словно денди какой, перчаточки в деревне надел, такой поступок требует внятного объяснения. Можно, конечно, крикнуть: «Люди, есть подозрение, что этот молодчик ко мне ночью с пистолетом в спальню залез. Есть доказательства, что его мой кот оцарапал. Надо бы проверить всем миром его руки! А то ведь этот террорист и к вам придёт!» Но надо быть полной дурой, чтоб такое прокричать. Во-первых, не место и не время. И потом – ведь доказательств никаких. И лицо у Игната симпатичное.

Но больше всего при осмотре рук Марью Ивановну потряс уже знакомый бинт, охватывающий руку любимого племянника. Она как-то совсем не рассматривала его раненую руку в этом контексте – как вещественное доказательство. Более того, бинт на руке Лёвушки и подал ей здравую мысль. Но это вздор! С чего бы вдруг Лёвушка вздумал целиться в любимую тётку? Он её позвал жить в новый дом, сам предложил хорошие деньги и при этом деликатно сказал:

– Рассматривайте эту сумму как хотите. Можете считать её заработной платой, вы ведёте у меня здесь хозяйство. Но если вас это оскорбляет, то будем считать эти деньги пособием. Ближе вас родни у меня нет.

В этом заявлении была некоторая натяжка: были у Лёвушки и более близкие родственники, но ведь это как посмотреть... Лёва для неё был благодетелем. Так зачем же ему в неё целиться? Если не предположить, что он её с кем-нибудь перепутал.

И не мешало бы вспомнить, с какой рукой Лёвушка приехал из Москвы – со здоровой или с забинтованной. Он тогда Марью Ивановну обнял, это точно. Обнял и сказал – иди спать, мы сами управимся.

Марья Ивановна подошла к Лёвушке поближе.

– Что у тебя с рукой?

– Какой рукой? Ой, тётъ Маш, нашла время спрашивать... Обжёгся вчера в бане. Ты лучше помоги Инне дойти до дому. По-моему, ей плохо. Иннусь, да что с тобой? – воскликнул

Лёвушка, подхватывая вдруг обмякшее тело секретарши.

– Уведите меня отсюда, – залепетала Инна, зубы её стучали, как от холода. – У меня голова закружилась.

На этом поиски пенсионерки кончились. Они с Инной побрели к дому, а Лёва остался в горячей точке. Мало ли как повернутся события... Может, по ходу дела понадобятся если не его мышцы, то хотя бы мозги.

В толпе меж тем высказывались предположения на тему – как мертвец сюда попал. Большинство ратовали за то, что мужика в кроссовке убили где-то в другом месте, а потом ночью привезли на кладбище и бросили. Чтоб хоронить сподручнее. Не хотелось жителям Стана думать, что именно на их территории произошло смертоубийство. Но нашлись и трезвые голоса.

– У него кровь на майке как раз в том месте, где в него штырь вошёл. Значит, он на него ещё живым напоролся.

– Может, его не до конца убили, а так только – по лбу трахнули в драке.

– Если ему лоб в драке рассекли, то на кой его на кладбище везти? Бросили бы там, где подрались.

– На кой? По злобе. Привезли сюда беспамятного и на штырь насадили.

– Что-то вы не то говорите, господа, такое только в кино бывает. И не днём же его сюда привезли. А ночью разве эту ржавую хреновину найдешь?

– А кровь на майке не заскорузлая, а размытая. После той

грозы в пятницу дождя вроде не было. Либо он до грозы погиб, либо в ту самую грозовую ночь.

– А крапива-то нетоптаная... – заметил художник Игнат, тот самый – в перчатках.

– Вот именно! Как мы об этом забыли?

Харитонов тут же задрал голову вверх и стал внимательно изучать остатки карниза, барабан, поддерживающий луковичу церкви, и сияющую в нём пробоину. Выросшая рядом с пробоиной берёзка – и где только земля сыскалась на узком уступе – была сломана. Головы стоящих рядом тоже стали задираться вверх.

– Упал, – сказал наконец Лёвушка.

– Сорвался, – подтвердил Харитонов.

– А на кой хрен его туда понесло?

– А может, он не один в церкви был. Ведь не сам же себе он лоб раскроил.

– Это он и сам мог сделать. Звезданулся о балку в темноте.

– И вообще – кто он?

– И что он делал в нашей деревне?

В разгар горячих споров к толпе подбежал вредный пасечник. Он был донельзя возбуждён, одна его рука находилась в неуёмном движении, другая держалась за сердце. Обычную улыбочку пот смыл с лица. Клим Климыч всё порывался что-то сказать, но никак не мог справиться с одышкой. Наконец выкрикнул:

– «Запорожец» угнали!

Новость была не менее впечатляющей, чем обнаружение трупа. Верхний Стан находился в стороне от асфальта, только узкая посыпанная гравием дорога, ведущая к кладбищу, связывала деревню с большим миром, поэтому машин здесь никогда не крали. Но уж если появился злоумышленник, то на кой ему ляд старое корыто, купленное Клим Климычем по случаю за двадцать баксов, если в посёлке полно новеньких иномарок?

Кто именно совершил чёрное дело, долго выяснять не пришлось, потому что пасечник прямо назвал похитителей. Вся деревня видела, что в доме сторожихи весь субботний день имела место большая пьянка. Теперь уже все знают, откуда у сторожихи появилась покупная водка и куда исчезла пара уток у Анны Васильевны.

Оказывается, в грозовую ночь к сторожихе явились двое гостей с приветом от сына. Мы уже говорили, что сын коро-

тал жизнь на нарах, а эти двое были из амнистированных. Возвращаясь к чистой жизни, они сделали большой крюк – доехали автобусом до Юхнова, от Юхнова опять же автобусом, что ходит раз в сутки, добрались до Кашино, далее попуткой до развилки, а там уже пешочком (час ходу) – к Линде. Не просыхали амнистированные весь день, а вечером в субботу стали приставать к пасечнику с вопросом – как им отсюда выбраться?

Клим Климыч вежливо отвечал: как пришли, так и уходите, это в том смысле, что той же тропой. Но амнистированные его не слушали, канючили своё, поглядывая на притаившийся за бузиной «запорожец». Дед понял их намёк, но вида не подал. Тогда они ему прямо сказали:

– Отвези в Калугу. Мы заплатим.

Знал Клим Климыч их плату. Из тюремного заработка только на пару бутылок и хватило, ну разве что батон колбасы прикупили. А это что значит? Он их повезёт, а как отъедет на приличное расстояние, то от них по башке и схлопочет. На «запорожце» эти двое мерзавцев вольные птицы, а бензин они в дороге украдут. Разговор кончился тем, что пасечник прогнал амнистированных от своей калитки палкой. Они, матерясь, ушли допивать самогон, а Клим Климыч завел мотор и перевёл «запорожец» поближе к дому в дровяной сарай.

Утром глянул на куст бузины – где авто? Вначале перепугался, а потом вспомнил и успокоился – он же сам перегнал

машину в надёжное место. А что в это место надо заглянуть, проверить – ему и невдомёк. А тут с утра общий переполох – труп! Подумаешь, невидаль! Этих трупов сейчас полный телевизор. Клим Климыч не стал обсуждать, откуда появился незнакомый покойник, а отправился по делам. Здесь он и обнаружил пропажу «запорожца».

Он бросился к сторожихе, но гостей и след простыл.

– Когда уехали?

– Раненько. Я спала. Ещё козу не доила.

– Что же они так рано уехали?

– А я почём знаю? Мало ли какие у людей дела? Они свободу обрели. А мой Толенька скоро обретёт. Гости это твёрдо обещали.

– А знаешь ли ты, ведьма старая, что они у меня «запорожец» увели?

– О-о-й, люди! Посмотрите на этого недоумка! Да зачем им твоя гнилая рухлядь? Они люди значительные, ушлые. Они жизнь с изнанки знают.

– То-то и оно, что с изнанки, мать-перемать! – крикнул Клим Климыч и бросился к собору к ещё не рассосавшейся толпе. Ну, не толпе, конечно, но четыре-пять человек ещё стояли, смолили сигареты, – кто «Парламент», кто «Приму».

Поначалу к известию о хищении «запорожца» люди отнеслись с юмором. Это всё равно что старую телогрейку с забора украсть – кому она нужна-то? Но по мере проникновения в суть вопроса лица у мужчин серьёзтели. Амнисти-

рованные? Ага... У сторожихи пьянствовали? Понятно.

Тут выяснилось, что никто, кроме Клим Климыча, этих «обретших свободу» не видел. Пришли в ночь и исчезли спозаранку. Сколько их было-то? Двое... А может быть, трое? И почему не предположить, что они подались ночью в церковь и своего же «третьего» сбросили вниз, потом пьянствовали целый день и скрылись на чужом «запорожце»?

Игнат высказал робкую мысль: де, если они ночью человека убили, то законно предположить, что они бы сразу дёрнули в бега. Зачем ещё целый день пьянствовать в опасной близости от трупа? Но трезвый голос не был услышан, потому что «вы не знаете этих людей», «им человека убить – что цыплёнку голову свернуть», а также «пьянство у них на первом месте, и не захотят они после стольких лет заключения лишиться себя законного удовольствия» – и так далее, и в том же духе.

Когда подкатила санитарная карета с фельдшером, а вслед за ней Фроловский драндулет с милиционером – первая версия была прорисована уже во всех подробностях. Врач Надежда Ивановна брезгливо осмотрела труп и засвидетельствовала смерть «вследствие падения с большой высоты и столкновения с неблагоприятным металлическим вертикально торчащим предметом».

Перед тем как увезти труп в кашинский морг, каждого жителя Верхнего Стана подвели к покойнику. Милиционер всем задавал один и тот же вопрос:

– Вы не узнаёте потерпевшего? Всмотритесь внимательно. Может быть, где-нибудь встречались?

Все ответили отрицательно. Опер Зыкин был молод, застенчив и неуклюж. Что-то в нём было щенячье – то ли взгляд, то ли неуверенность в жесте. Хочет руку для убедительности вскинуть, уже начнёт движение, а на полпути вдруг и передумает. Так и стоит с оттопыренной рукой, ладонь открытая, словно монету просит. Потом спохватится, достанет из кармана карамельку и задумчиво сунет в рот. Народ знал, что таким способом опер борется с курением, но зачем же над трупом карамельки сосать? Мог бы и повременить!

Неубедительно выглядел и весь его опрос. У него даже не хватило ума скрыть радостного щенячьего возбуждения. Это же надо – какое интересное дело подвалило! Ему, вишь, надоело разбирать пьяные драки и искать пропавшие вёдра, бидоны, в крайнем случае велосипеды. За год ни одного приличного дела. А здесь, прямо как в столице – в центре богатого дачного посёлка (вон за деревом джип «чероки» стоит!) загадочное убийство неизвестного. Правда, тыкалась холодным носом в щёку простая мысль: несчастный случай. Почему не предположить, что неизвестный в состоянии алкогольного опьянения попёрся на крышу церкви да и сорвался? Но Зыкин гнал от себя пресные предположения. Здесь всё очень серьёзно. Не исключено, что это террористический акт, а может быть, месть по личным мотивам. А может быть... да всё

что угодно может быть, господа хорошие!

Рвение застенчивого опера несколько остудил рассказ Клим Климыча про угнанный «запорожец».

– Для первой версии годится, – сказал Зыкин строго. – А пока попрошу всем задержаться в посёлке на два дня. И без моего разрешения никуда не уезжать. Мы будем прорабатывать разные линии.

Зыкин и не думал называть себя во множественном числе. Все знали, что он единственный опер на всю округу. Когда он сказал «будем», то имел в виду большую серьёзную работу, которую он будет вершить с соратниками, прибывшими из области. К сожалению, он не ошибся.

Да как же было Флору Журавскому не узнать мертвеца, если две недели назад он выиграл у него семьсот зелёных?

Вы бывали в казино? Если не были – считайте, жизнь для вас проходит мимо. Вот где истинные страсти, драмы, восхождения и падения. Коли боишься проигратся в пух, то играй по маленькой. Главное, наблюдать, как раскрывается личность человеческая. Зайдите в казино, господа!

Выбор, где играть, богатый. Вот, скажем, «Арбат», бывшая «Тропиканка». Сейчас он расширился. На первом этаже огромный зал с игральными столами, на втором – ресторан с яствами. Там же устраиваются блестящие шоу. Есть особый зал, где можете пощекотать себе нервы, наблюдая бой без правил. Это истинно мужское наслаждение, но и женщины заходят полюбоваться литыми телами бойцов. Да, кстати, бар там тоже отличный.

Не нравится «Арбат» – иди в «Корону». Там те же блага, а изюминка – трёхкарточный покер. Хотите роскоши, блеска, позолоты – езжайте на Ленинградский проспект. Рядом с Белорусским вокзалом есть обалденное казино – них полпрозрачный, пальмы по углам, люстры глаза слепят – фантастическая роскошь!

Но мы вам советуем – не уходите с Нового Арбата. Идите в «Метелицу» – самое старое и крепкое казино в этом рай-

оне. Уже в самом названии – игривом, истинно русском – чувствуется безудержное веселье. Пляшут снежинки, как ваши мечты, пьянят кровь, свежим озоновым духом обмывают лицо.

«Метелица» – рубливое казино. Можно, конечно, и долларами пользоваться, но игра там идёт в родной валюте – очень удобно. Первый этаж – ресторан «Блек-Джек». Там по телевизору показывают бега, так что можно делать ставки. Но особая достопримечательность «Метелицы» – второй этаж: в нём зал для vip – особо важных персон. Закуски и напитки там бесплатные – хоть упейся, и играют здесь по-крупному.

Флор казино не любил, а попал туда потому, что Лёвка за руку привел. Конечно, в карты Флор играл, в преферанс по молодости просиживал иногда до утра. Покером не баловался, но правила, как интеллигентный человек, разумеется, знал. Вообще-то Флор был человеком азартным, – вопрос только, куда ты свой азарт направляешь.

А направлял его Флор на своё ремесло. Беда только в том, что в новую эпоху демократии, рынка и господства чистогана заниматься чистым искусством стало крайне невыгодно. Те, кто хотел покупать его пейзажи, не имели даже малых денег, а люди с мощной живописью не интересовались. Трудно сказать, чем они вообще интересовались. Похоже, что главное для них – вложить деньги в такое дело, чтобы прибыль потекла рекой уже на следующей неделе.

Но забросил Флор живопись вовсе не из-за её некупа-

емости. Боже избавь! Просто почувствовал дыхание новых времён, в голове забрезжили другие мысли, другие размеры и задачи. Волновало слово «экология». Флор вдруг стал ощущать планету, как дом родной. Иногда даже казалось, что ногами, прижавшись спиной к матрасу, он ощущает, как шарик крутится и летит во вселенной неведомо куда. И сладко было понимать, что он на этом шарике полноправный хозяин и защитник. Ну, и сознаемся себе самому: концептуальное пространственное искусство во имя защиты живого сулило куда большие барыши, чем обрамлённые рамой заросшие пруды, туманы над заливными лугами и заснеженные еловые леса.

Заниматься концептуальным искусством Флора заставила сама жизнь. И не только потому, что краски и кисти стали безумно дороги, хотя это тоже играло свою роль. Иногда столько угрохает на полотно да на подрамник, на синь берлинскую и прочее, что цену покупателю боишься назвать. Как-то получается, что сама работа и не стоит ничего.

Все вокруг ищут спонсоров, и что удивительно – находят. Идея использовать в своём искусстве удивительную природную красоту, в которой он оказался, появилась сразу, как он осел в Верхнем Стане. Оставалось только создать пространственный объёмный пейзаж и при этом высказать свою концепцию. Планету Земля нужно было так показать, чтобы это выглядело как объяснение в любви и нежности. Природа должна радовать. Человек-сын имеет право украсить Землю,

но именно украсить, а рвы, котлованы, бункеры и уродливые небоскрёбы прокопчённых городов ей ни к чему. Это преступление – уродовать чистый, по-детски ясный мир. Разумеется, вслух он эти мысли высказывать стеснялся. Вербально идея выглядела очень примитивно, наивно и не ко времени. Но Флор может разговаривать с человечеством на своём языке.

И всё как-то совпало разом. Бывший сокурсник предложил полиграфические мощности. Сам Флор фотографией не занимался, но знал хороших ребят в издательстве, где некогда сотрудничал. Твори, а мы не подведём, устроим акцию по всем правилам и международный резонанс организуем! Решено было также снять акцию полномасштабно и в деталях на видео.

А из чего творить? Материал для экологически чистого искусства должен быть простым, как мычание. Глина, песок, снег, дерево, солома, лыко, плоды огородов... – вот из чего следовало создавать «нетленку».

Идея пришла осенним стылым вечером. Уже декабрь был на подходе. Все горожане давно разъехались из Стана. Флор сидел с мольбертом на самой верхотуре под деревом и писал пойму реки с прилегающими лесами. Пальцы стыли ужасно. Ему очень хотелось поймать особую прозрачность в воздухе, особый настрой в природе – эдакую грусть в мироздании, – но не умирание, нет, а ожидание чуда. Русские, от щедрот им данных и привычке смотреть не окрест, а вглубь себя, да-

же не понимают, как им повезло. Им дано пережить все этапы в годовом цикле планеты. А кто замечает, какое это чудо – иней на чёрных ветках? Чёткая, прекрасная графика, безупречные формы и сдержанный благородный цвет – все оттенки синего, бирюзового, а оранжевая и алая аляповатость допустимы лишь в небе в вечерние и утренние часы.

Сидя на горочке, Флор вдруг вспомнил, что река, которую он переносил на полотно, когда-то служила границей между Литвой и Московской Русью. Где-то здесь рядом пятьсот лет назад состоялось Великое Стояние против татар. И пало иго... Представился вдруг отряд ратников, бредущий вверх по склону. А потом как-то само собой вспомнилось: «решай задачу по-детски», и Флор увидел, что к нему идут не ратники, а снеговики с носами из моркови и набекрень надетыми вёдрами.

И что вы думаете? Налепили целую армию снеговиков. Все окрестные мужики были задействованы. Четыреста тридцать две снежных бабы накатали в оттепель. Флор долго ломал голову, как их поставить. В конце концов остановился на том самом варианте, который причудился ему осенним стылмым днем. Снеговики шествовали от прибрежного лозняка вверх к церкви. В нестройных рядах их заметна была не то чтобы усталость – нет, они просто никуда не торопились, и этим создавалась ощущение, что бредут они по склону – вечно. И в этом движении, как ни странно, чувствовалась надёжность. Словно сама природа выслала на защиту людей

своих ледяных стражей.

Снеговиков фотографировали и снимали видеокамерой днём при радостном солнце, на закате, когда тела их казались розовыми, ночью при свете мощных прожекторов, фотографировали всем строем, а также штучно в профиль и фас. Потом дождались мартовской оттепели, когда снеговики стали оплывать и принимать новые формы. Последними фотографировали уже бесформенные холмики снега и юрких мышей, пытавшихся утащить в норки остатки морковных носов. Выставка имела оглушительный успех. Понаделали видеоматериалов, каталогов, открыток, календарей, украсили строем снеговиков майки и полотенца. Какой-то умник из Франции написал на тему выставки отнюдь не тонкую брошюру.

Окрылённый Флор уже придумал новый проект, Сидоров-Сикорский ему активно помогал. Как только в Верхнем Стане стаял снег, художники засучили рукава. Теперь, по их задумке, склон и церковь, река и окрестные луга должны были войти составляющей частью в экологически чистый языческий праздник.

К Ивану-Купале, понятное дело, не успеть, а к осени всё может получиться. Августовские краски, венки из рябины, калины, крушины, хмеля, ивы, сосны и подсолнухов. А по траве пусть скачут соломенные кони. Весь ромашковый склон решили выкосить особым рисунком – в виде некоего древнего символа. Вместо стяга – огромное полотнище из

неотбелённого льна. Идея снеговиков твёрдо запала в голову Флора, поэтому совсем отказаться от неё он не мог. Функцию бредущего вверх по склону воинства от природы взяли на себя снопы. В кульминацию праздника предполагалось устроить костёр до неба.

Подготовка шла полным ходом. Всё было: идеи, энтузиазм, рабочая сила, то есть окрестные мужики с косами, вилами и топорами, и погода удалась на славу. Не было только денег. Малую мзду Флор получил из Франции, но она таяла на глазах. Необходимо было искать отечественных спонсоров. Пришлось Флору ехать в Москву. Случилось это как раз за пол месяца до описываемых событий.

На первую акцию – снеговиков – деньги дал Лёвушка. Тогда ещё дом-баня не был построен, Лёвушка был весел и щедр. Обошлись малой суммой, – мужики лепили снежных баб, считай, бесплатно. Известное дело – зимой в деревне какая работа? Каждый за выпивку и закуску был рад поиграть в детство. Фотографы и полиграфы тоже трудились на голом энтузиазме. А сейчас запахло прибылью, и каждый азартно потирал руки: я – работаю, ты – плати. Да и работа была посложнее.

В Москве Флор обошёл трёх человек – бывших потенциальных покупателей. Раньше они обожали толпиться в мастерских у художников, случалось, и приобретали полотна. Теперь разбогатели, и у всех, как назло – полное безденежье. Один должен отдать кредит, другой всю наличность вбухал в

выгодную сделку. Все твердили хором: «Старик, ты просишь слишком большую сумму. А совершенно неизвестно, окупит ли себя этот проект». Только четвёртый пообещал дать денег, но через месяц:

– Флор, это верняк! Я всегда любил твою живопись. Ты пока перехвати, а в начале августа ко мне наведайся.

«Перехватить» можно было только у Лёвушки. Не хотелось Флору к нему идти, но что делать. И ведь как в воду смотрел. Оказалось, что и у Льва непредвиденные трудности: товар задержали на таможне, взятку большую только что влил в одного туза из министерства, и всё такое прочее. Но потом Лёвушка словно обмяк и спросил, какая, собственно, сумма нужна. Требуемая сумма была совсем игрушечной – зарплату мужикам выдать, а там поступят обещанные деньги. Лёва вдруг развеселился:

– Флор, зачем тебе эти унижения? Такую сумму ты сам за вечер заработаешь! Пойдём в казино.

– Лев, ты что? У меня даже на входной билет денег нет, – испугался Флор.

– За вход я заплачу. И это будут твои первые фишки. С ними и начнёшь игру. Надо будет – я ещё тебе куплю. Но сдаётся мне, что ты и без меня обойдёшься. Ты никогда не играл. Новичкам всегда везёт. Кроме того, ты совершенно уверен, что не сможешь выиграть ни рубля. Казино таких дурачков обычно балует. Только пойдём в моё время, чтобы примету с панталыку не сбить.

– А какая у тебя примета?

– Ровно в двенадцать ночи открыть в казино дверь левой ногой. И... порядок!

– А если я проиграюсь? – с сомнением спросил Флор.

– Прощу проигрыш.

– А если выиграю, но мало? – продолжал упрямиться Флор.

– Тогда я доплачу тебе до требуемой суммы. Договорились? Ровно в половине двенадцатого ты у меня, – Лёва всё посмеивался, коньячок попивал. Испуг Флора явно его забавлял.

Так они очутились в «Метелице». В подражание приятелю Флор тоже придержал дверь левой ногой. В зале для очень важных персон было полно народу. Стол выбрал сам Лев, усадил Флора за стол для блек-джека, горкой выложил перед ним коктейльные, полученные на входе фишки, а сам ушел в бар. Дерзай, мол! Не буду тебя смущать. Плата за вход в казино составляла две тысячи рублей. Можешь на эти деньги текилу и коньяк лакать, а можешь их сразу пустить в игру. С помощью этих двух тысяч Флор должен был найти обеспечение и соломенным коньям, и боярышням из лыка, оплатить всех косцов, пока не побросали косы, и прочая, прочая...

Флор не остался за этим игровым столом. Блек-джек – это практически наше очко. Совсем полагаться на фортуна, исключая интеллект, не хотелось. Флор выбрал стол с покером. И тут же ему пришлось наблюдать удивительную сцену. Та-

кое не каждый день увидишь. Мужик, одетый прилично, но не в смокинге, можно даже сказать, простецкий на вид, но бойкий и бесстрашный, выиграл за одну игру сто сорок тысяч зелёных. Что тут в зале началось! Аплодисменты, кто-то орёт, сам выигравший хохочет, как в детском саду на утреннике. У Флора даже шея вспотела. Стал вытирать – платок мокрый, хоть выжимай. Вот что значит – деньги! Если он из-за чужого выигрыша так разнервничался, то что же с ним будет, когда он сам вступит в игру?

– Да как же это у него получилось-то? – пролепетал Флор, ни к кому, впрочем, не обращаясь. Нашёлся доброжелатель, залепетал в ухо. Казалось, сам наэлектризованный воздух казино рождал эти звуки.

– Так ему «роял флеш» с подачи пришёл! Редкая, невозможная удача.

Флор повернул голову и увидел вдохновенное лицо соседа. Глаза того были полузакрыты, виски взмокли, на веки, словно ощутимая тяжесть, легла тень.

– И что – каждый «роял флеш» стоит сразу сто сорок тысяч? – не поверил Флор.

– Это как фишку поставить. Я вижу, вы новичок? Ставить надо с умом. Он, изволите видеть, – уважительно шептал сосед, – поставил на «АНТЕ». Посмотрел в карты – есть игра! И подтвердил. Поставил на «ВЕТ» – удвоил. Ещё «бонус» – тут он как бы подстраховался. А ему сдали «флеш роял» – с ума сойти.

Флору стало муторно, нехорошо. И выражение это дурацкое – «извольте видеть» – казалось здесь вполне уместным, что тоже было неприятно. Неужели он бы тоже мог так восхищаться чужой удачей и лебезить перед ней, и говорить незнакомому человеку – «извольте видеть»? Бред!

– Только ему всех денег не дадут, – продолжал шептать сосед. – Выплата бонуса делается в зависимости от комбинации. И потом, на этом столе наверняка имеются ограничения.

И действительно, на зелёном сукне откуда ни возьмись появилась табличка: «На этом столе максимальный выигрыш двадцать пять тысяч долларов».

– У, да здесь большая игра! – сказал Лёвушка, подходя к столу. – А ты всё смотришь. Садись, играй. Тебе тоже повезёт.

И Флор сел за стол. Не будем подробно описывать эти три часа, которые он провёл за игорным столом – часы опасные, обидные, грозные, уничижительные, когда желудок, а может, сердце проскальзывает куда-то вниз и летит промеж ног не просто на пол, но ниже, на первый этаж, и потом подпрыгивает, как мячик, и возвращается на место. Вот как!

Пил... Не то чтобы вино лилось рекой, но выпил больше обычного и, как ни странно, совершенно не опьянел. И выиграл, чёрт вас возьми всех! Не такую баснословную сумму, как Виктор, но столько Флору и не надо было. Он не хотел получать столь значимый подарок от судьбы именно в кази-

но. Для этого были куда более важные и значимые места.

Разные карты были на руках: и пара, и две пары, и порядок, один раз даже «Four of a Kind» пришёл – редкая и выгодная комбинация, но «флеш роял» не было.

А напротив, слева от крупье, сидел этот самый тип, которого сегодня нашли в крапиве. Сидел и буравил Флора глазами, а потом сел рядом. Мужичку явно не везло, и с горя он усердствовал с выпивкой. Он ненавидел весь мир, а заодно и Лёвушку, хоть тот и не принимал участия в игре. Он поглядывал на него так, словно давно его знает, и он-то и есть его главный враг.

– Кто это? – спросил Флор тогда Лёву шёпотом.

– Не знаю. Какой-то псих. И, видно, он очень не любит проигрывать.

Потом Лёва куда-то делся, Флор опять остался за столом без присмотра и поддержки, а крапивный мужик – глаза от злости у него совершенно обесцветились – переключил свою неприязнь на него. Он вдруг задышал Флору в ухо и вначале негромко, а потом всё возвышая голос, стал бубнить:

– Ты увёл у меня семьсот баксов. Понял? А может быть, и восемьсот.

Флор вначале отмалчивался, а потом не выдержал:

– Как я у тебя могу что-то увести, если мы играем против дилера? Это у тебя казино деньги увело, а не я.

Незнакомец вскочил на ноги и громко крикнул, указывая на Флора:

– Он у меня смотрел в карты. Каждую игру он ночевал в моих картах. Это нарушение правил! Идём в покер-клуб, и там разберёмся, кто прав! Будем играть без всяких дилеров!

Потом пошла нецензурщина. Незнакомец был пьян. Естественно, его вывели из зала. Двигаясь к двери, он обернулся, смерил Флора ненавидящим взглядом и просипел:

– Я тебя ещё найду.

Когда Флор увидел труп в крапиве, он первым делом на Лёвушку посмотрел, но тот не ответил ему взглядом. Ладно, не до этого. Флор бросился в машину и помчался в Кашино, а когда вернулся назад с милиционером, то был совершенно уверен, что Лёва обнародовал свои знания о покойном, сказал всенародно – я, мол, там-то и тогда-то видел этого человека.

А Лёва промолчал. Более того, при опросе он твёрдо сказал милиционеру, что никогда не видел раньше покойного. Может быть, Лев его просто не узнал? Это очень вероятно, потому что в тот вечер Лёвушка вообще не играл, и держать в памяти всех психов, которые проигрываются, вообще невозможно. Конечно, Флор мог напомнить. И мог подробно рассказать милиционеру, при каких обстоятельствах и где видел убитого. Но он не стал этого делать. Всякому ясно, что опрос носил чисто формальный характер, потому что уже появилась версия об убийцах – двух амнистированных уголовниках. Зачем в таких обстоятельствах светиться?

Да и стыдно было рассказывать лопоухому Зыкину и все-

му честному народу, как Флор на искусство деньги зарабатывает! И почему бы милиционеру не предположить, что убитый явился в Верхний Стан деньги проигранные назад требовать? Дальше воображение легко дорисует картинку: гроза, дождь, как из ведра, Флор и потерпевший пошли для крупного разговора под кровлю собора, там разругались в дым, и один другого спихнул.

Нет, пусть лучше с амнистированными опер разбирается. И потом, задним числом Флор совершенно не уверен, что убитый смотрел на него и Лёвушку каким-то особенным взглядом. Убитый тогда проиграл, он был пьян, и решил сорвать зло на первом, кто подвернулся под руку.

И вообще... работы сверх головы, жара, всё растёт-колотится. Только бы успеть! А ввязываться в беседы с опером — это поставить под срыв всю работу.

Первое, что сказала Инна Лёвушке, когда после разговора с милиционером он явился в дом, было:

– Зачем ты сказал Марье про зажигалку в виде пистолета? Тётка твоя, конечно, дура, но не настолько, чтобы поверить в эту ложь.

Лев прямо опешил. Вчера ещё головой кивала, улыбалась сладко, когда он тётке про Артура рассказывал, а тут вдруг упреки, да ещё с такой раздражительностью... Ну, напугал тебя вид трупа – такое кого хочешь напугает, – но зачем же бочку катить?

– Где ты, собственно, увидела ложь? У Артура действительно есть такая зажигалка. И Лидия в самом деле исцарапала ему лицо. В чём, правда, не сознаётся.

– Она была пьяная в дым. Что она может помнить? – проворчала Инна. – А Марью ты своими рассказом только насторожил. Её без труда можно было уговорить, что весь этот бред с незнакомцем и пистолетом ей просто приснился. А ты признал, что веришь каждому её слову. Теперь она начнет копать, выспрашивать, наговорит с три короба всякой ерунды.

– Слушай, прекрати! Я еле на ногах держусь. Принеси что-нибудь холодненькое из холодильника. Только не пива.

Инна пошла на кухню и вернулась с яблочным соком. На-

полняя стаканы, она хмурилась, морщилась, – словом, всем своим видом выражала крайнее недовольство.

Лев залпом выпил сок, отдышался, расслабился. Он не хотел ссориться, но оставить Иннины упрёки без ответа тоже не мог. Он знал, что она всё равно вернётся к этому разговору и поведёт его в ещё более драматических тонах. Инка – лучший в мире мастер устраивать истерики.

– Тётя Маша вовсе не болтлива, – сказал он, наливая себе ещё соку.

– Как бы не так, – тут же отозвалась Инна. – Она уже спрашивала меня... Пристала как банный лист.

– О чём?

– Какие у Лёвушки враги? Требовала объяснений. Назови ей имена всех нехороших людей, которые могли бы Лёвушку ненавидеть. И не связан ли её драгоценный племянник с криминальным миром?

На щеках Льва заходили желваки.

– В нашей стране каждый бизнесмен в той или иной степени связан с криминальным миром. И я не понимаю, чем тебя так раздражают вопросы тёти Маши. Она меня любит и боится за меня. Между прочим, не без основания, и ты это знаешь.

Лёва вздохнул и с отвлечённым видом стал обозревать прекрасный открывающийся с террасы пейзаж. Он имел все основания беспокоиться. Зависло над его фирмой одно дельце трёхлетней давности. Лёвушка считал, что сполна распла-

тился за кредит, а на том конце вбили себе в голову, что с процентами произошла большая неувязка.

Никогда бы Лев не связался с чёрным налогом и с этой чёрной публикой, если бы не полетело всё в тартарары в девяносто восьмом году. Тогда, в августе, у него выбора не было. Надо было спасать не только дело, но и собственную шкуру. Пришлось занять под баснословные проценты. А теперь эта публика считает, что можно до скончания века тянуть с него деньги. К угрозам Лев давно привык и научился не обращать на них внимания. Но теперь эта шпана от угроз перешла к делу. Какой-то отморозок безграмотный взрывчатку подкинул ему под дверь. Взрыв прогремел ночью. Разворотило потолок на лестничной клетке, все стёкла повышибало. Особенно жалко было цветные витражи. Но стальная дверь в его квартиру выдержала. Ясное дело, убить его не хотели, просто пугали. Но в этой компании недоумков много. Могут обидеться... А от обиды до выстрела у конкретных пацанов один вздох. Всё это Инна знала, и сейчас было самое время сосредоточиться и высказать конкретные предположения, – какой именно гад посмел нарушить в Верхнем Стане Лёвин покой, но вместо этого она вдруг резко крутанула головой, из-за чего волосы её, как в рекламе, рассыпались веером, потом, размазывая тушь, прижала безымянные пальцы к глазам и прокричала на истерической ноте, забыв, что её могут слышать:

– Мамочка моя родная! Опять ты о себе. Неужели ты не

понял, что вся эта опереточная возня с пистолетом направлена против меня? А твоя тётка необдуманной болтовнёй только усугубляет ситуацию.

Лёва обиженно засопел. Он никак не ожидал такого поворота в разговоре. На его глазах происходила удивительная метаморфоза. Обычно Инна была упакована, застёгнута и защищена боевым косметическим окрасом так надёжно, что добраться до её сердцевины не представлялось возможным. Имидж, как со страниц глянцевого журнала, и разговор был таким же отлакированным. Она вела себя безукоризненно, умела вовремя дать дельный совет, всегда находила правильный тон в разговоре, не скупилась на сочувствие, если того требовала ситуация, и сочувствие её выглядело всегда искренним. И вдруг эта железная женщина ни с того ни с сего стала тащить одеяло на себя. Весь имидж, весь целенаправленно созданный образ – вдребезги!

– При чём здесь ты? – взорвался Лёвушка. – И почему ты употребляешь слово «оперетка»? Прости, но в этой ситуации это просто кощунственно.

– Убитый... ну, труп около церкви... Я его знаю. Очень близко знаю, – из-под Инниных пальцев выползли две мутные серые капли. – В общем... это... Андрей.

– Какой ещё Андрей?

– Мой муж.

Лёва умел держать удар. Профессия бизнесмена в эпоху перемен – это профессия риска, которая сродни водо-

лазам, спелеологам, альпинистам, разведчикам и инкассаторам. Иногда такое приходится услышать! Но держал себя в руках. А здесь вдруг разозлился.

– Вот, значит, как нам довелось познакомиться! А ты, стало быть, в неутешном горе?

– При чём здесь мое горе? Он измучил меня, довёл до точки. Я видела его здесь ночью в пятницу. Мы разговаривали. Он поклялся, что уедет. Милиционер начнет копать, и подозрение падёт на меня в первую очередь.

– А во вторую – на меня! – крикнул Лёва.

Инкин муж давно был у него костью в горле. Лёва никогда его не видел и не так уж много о нём знал. Сведения были самые общие: негодяй, подлец, склочник и неудачник с садистскими наклонностями. Нет, кажется, не с садистскими, а с мазохистскими... А впрочем, один чёрт! В последнем определении Инка сама путалась. И возникал этот субъект всегда в таких ситуациях, когда его наличие на горизонте было особенно нежелательным.

Хотя кто рассудит? Сейчас можно сознаться себе, что этот садист-мазохист, сам того не ведая, спас Лёвушку, когда тот, влюблённый до обморока, решил пять лет назад непременно сочетаться с Инной браком. Лев тогда умолял: «Разведись!», а она твердила: «Нет, он не даст мне развода». Лёвушка возражал: «В наше время могут развести без согласия одного из супругов. В конце концов, судье можно заплатить», а Инна ломала пальцы: «Он без меня погибнет, он обещал наложить

на себя руки». Ой, что-то не похоже. Синяки на теле Инны говорили о том, что этот страдалец ещё и руки распускал.

В конце концов Инна сбежала от Андрея, Лёвушка помог ей купить однокомнатную квартиру. Но Андрей и тут не оставил жену в покое. Он являлся в самое неподходящее время и требовал денег. И не тридцатку на водку, а приличную сумму в долларах. Это называлось у него «воспоможе-ствованием». И подоплёка у этих поборов была: «Я делюсь с твоим банкиром женой, а он пусть поделится со мной капиталом». И удивительно, что Инна каждый раз безропотно давала ему деньги.

Всё это Лёвушка узнал позднее. Пока для «воспоможе-ствования» мужу у Инны хватало собственной зарплаты, она ничего не рассказывала Льву. Но потом Андрей запросил слишком большую сумму денег, и Инне пришлось обратиться за помощью к шефу и любовнику. Лёва потребовал объяснений, а когда их получил, то пришёл в ужас. Никаких денег он не даст, он проломит неудачнику и садисту башку, а Инна немедленно подаст на развод!

Но именно в этот момент Андрей исчез из общения. Три года о нём не было ни слуху ни духу. Инна считала, что он уехал за границу. А теперь вдруг он опять объявился, и, как всегда, в самый неподходящий момент.

- О чём он разговаривал с тобой ночью?
- Как обычно, просил денег.
- И ты дала?

Инна промолчала.

– Как он вообще отыскал тебя в этой глухомани?

– Вычислил. Покойник был хитрец, каких мало.

– Это уже что-то новенькое в его характеристике. Раньше он числился под кличкой «неудачник, подлец, негодяй», но никак не «хитрец», а скорее «лох».

– А ты не остри!

– А я не острую. Давай подробности.

– Как я и думала, он был в Европе. Чем он там занимался – не знаю. Наверное, каким-нибудь мелким бизнесом. Потом вернулся домой. Вернулся, но мне даже не позвонил.

– Ты что, огорчена задним числом?

– Нет, Лёва, нет. Не надо со мной так. Если Андрей мне не позвонил, значит, дела его были не так уж плохи. Мы встретились случайно. Столкнулись нос к носу в казино.

– Я там тоже был в тот вечер?

– Да. Ты как раз играл. Андрей поманил меня пальцем, я и пошла на ватных ногах. Он мне и говорит: «А ты, благоверная, неплохо устроилась в жизни. В казино ходишь развлекаться». Я возразила – мол, ты тоже неплохо устроился, если я тебя здесь встретила. Он мне в ответ зло: «Я здесь не развлекаюсь. Я тут играю по маленькой, а чаще крохи собираю с чужих столов, чтобы не сдохнуть с голоду». А сам надохлого совсем не похож. Одет великолепно и морда сытая.

– А дальше что?

– Всё как обычно. Стал требовать денег.

– И ты дала?

Инна кивнула.

– Почему ты даёшь ему деньги вместо того, чтоб послать его к чёрту? В конце концов, можно в милицию сообщить.

– Он шантажирует меня. Он мне угрожает.

– Чем тебя можно шантажировать?

– Каждого человека можно чем-нибудь шантажировать, – уклончиво ответила Инна. – Как он узнал про Верхний Стан, я не знаю. Мы только приехали, вещи выгрузили. Я пошла в банный дом. Вдруг меня кто-то за руку хватать! Темно было. Я обозлилась – что ещё за шутки! А это, оказывается, Андрей. И шепчет мне в самое ухо: «Приходи через полчаса на кладбище. Буду ждать тебя у входа в церковь, а не придёшь, я такой скандал учиню, что мало не покажется».

– И ты пошла.

– А что мне оставалось делать? Его надо было усмирить. Он же сумасшедший.

– Ещё одна характеристика. Раньше он был нормальным.

– Со мной он никогда не был нормальным! И я не удивлюсь, что он нарочно с крыши прыгнул, чтобы мне разом за всё отомстить.

– О чём вы говорили в церкви?

– Я умоляла его уехать. Денег немного дала. Но он меня не слышал, твердил, что у него здесь какое-то дело.

– Так ты думаешь, что к тёте Маше ночью навевывался он?

– А кто же ещё?

Лицо у Лёвы было такое, словно он сейчас набросится на Инну с кулаками.

– И ты молчала? Зачем он явился в мою спальню? Грабить? Тут нечего украсть. Цель у него могла быть одна.

– Но ведь все живы, – Инна опять принялась плакать. – Он ведь никого не убил, а сам, как последний дурак, упал с крыши. Андрей ведь тоже человек. Он раньше таким не был. Его жизнь изуродовала.

– Ладно. Успокойся, – Лёвушка оторвал её руки от зарёванного лица, вытер полотенцем ей глаза, потом подумал и поцеловал в лоб. – Раз мы ни в чём не виноваты, то и бояться нам нечего.

– Фальстаф с Лидией – вот они умные. Взяли и укатили в субботу. И все наши переживания их никак не касаются. Может, нам тоже сбежать?

– Нет, Иннусь. До субботы мне в Москву возвращаться негоже. А в субботу мы как раз визы получим и напрямиком на Средиземное море.

– Конечно, здесь безопасно, – согласилась Инна. – Давай что-нибудь выпьем. Водки, например.

– Давай.

– А скажи, мой милый Лев, много ли найдётся в мире людей, которые не боялись бы, что их могут убить? И что самое удивительное – за дело.

В тот же день, то есть в воскресенье вечером, как и обещал, приехал Артур, привёз десять ящиков пива, батарею бутылок коньяка и водки, а также мартини и хванчкару для дам. Узнав, что Лидия уже отбыла в Москву, огорчился. Он, оказывается, собирался у неё прощения просить за то, что из лужи её поднял и до кровати доволоч. Царапины на его лице были аккуратно замазаны и запудрены.

– С выпивкой ты переусердствовал, – сказал Лёвушка.

– Это ты скажешь в конце недели. Водки, сколько её ни купи, всегда мало, а относительно пива... Давно уже пора провести параллельно водопроводной ещё одну сеть, чтоб неиссякаемо... чтоб только кран открыть, и порядок!

– В пивопроводе все сорта перемешаются, – рассмеялся Лёва. – Но я думаю, производители на это пойдут...

– Ещё как пойдут. Бабки ведь тоже потекут рекой. Только счётчики надо поставить в каждую квартиру.

– А мы час назад решили вести здоровый образ жизни, – строго сказала Инна.

– С чего бы это?

– Здесь у нас такое произошло!

– Какое – такое?

Артур всё ещё пытался балагурить, хоть и не находил в друзьях поддержки. После душевной Москвы, долгой дороги

он мечтал об одном – выкупаться и засесть в уголке террасы с бутылкой холодненького. Настроение хозяев настораживало. Всем своим видом они давали понять, что у них на вечер заготовлен совсем другой сценарий. Артур только сигарету закурил, как они наперебой стали рассказывать про труп, найденный в крапиве. О том, кто убитый, не было сказано ни слова. Зато про похищение «запорожца» было рассказано во всех подробностях. Первая версия по поводу загадочного нахождения трупа обрастала подробностями.

Артур на рассказ отреагировал спокойно. Шутить перестал, но и ужасаться не захотел. Что он, трупов не видел? Их полна Москва, а в телевизионном ящике мертвецов всех мастей как шпрот в банке. Нет, ребятки, вы его мертвецом в крапиве не смутите. На террасе жарко, душно, всё тело липкое от пота. Семь часов вечера, а солнце так палит, что дышать нечем. Артур хотел пойти на реку и пойдёт. Лев вызвался его сопровождать. Инна на реку идти отказалась, сославшись на головную боль. Она лучше полежит.

Марья Ивановна спряталась от пекла в цветнике, в тенёчке. Мысли её были простые. Вишни надо собирать. А может, погодить? Ещё не вся покраснела до полной готовности. Уж больно жарко за ягодой тянуться. И мухи появились какие-то мерзкие. Так больно кусают, словно крапивой тебя хлестнули. А потом через сутки рука или нога в месте укуса так зудит, словно заморозка отходит. Но всё равно надо вишню собирать, а то воробьи её склюют, и ничего на варе-

нье не останется. Завтра она этим и займётся.

Через березняк вышли к ручью, и сразу стало прохладно. Ручей бежал с угора через чащобы лозняка, чёрной ольхи, черёмухи, двухметровых зонтичных, переплетённых хмелём, через мёртвые стволы упавших ив, а потом, падая уступом, водопадом, выбирался на волю. Здесь он омывал старые корни дикой яблони, и та в благодарность кидала в его певучее каменное русло свои мелкие горьковатые плоды. Через ручей был перекинут хилый мосток с перильцами из слег.

– Красиво... – сказал Лёва.

– До одурения, – согласился Артур.

Лёва именно этот мостик назначил для частного разговора, но потом передумал. Как-то не подходила благодатная тень для суетливых, заранее приготовленных фраз. Вот уже омоем распаренные тела в реке, тогда и начнём разводить туры на колёсах.

Омыли. Вода у берега была совсем тёплой, но дальше, на быстротоке, можно было хорошо освежиться. Главное, не сопротивляться течению, которое волочит тебя к заросшему лозой островку. На камне с удочкой сидел Игнат.

– Клюет?

– Так себе.

– Приходите все вечером пиво пить. И этого приводите, толстого, как его... Сидорова-Сикорского.

Назад пошли той же дорогой. Не доходя до мостика, Лёвушка сказал:

– Здесь ещё было происшествие неприятное. Кто-то мою тётку ночью напугал. Для того чтобы её успокоить, я сказал, что это был ты. Прости, старик, но лучшего ничего в голову не пришло.

– Это был я? – переспросил Артур. – И что же я сделал?

– Ты ночью, когда от Лидии возвращался, малость заблудился и зашарашился в тёткину комнату.

– А где её комната?

– А ты не знаешь? Её комната – моя спальня. Она часто там ночует. Там матрас противорадикулитный. Ты туда и зашёл.

– Зачем?

– Откуда я знаю? Может, закурить хотел.

– Я что – со странностями?

– Артур, войди в моё положение. У тебя зажигалка в виде пистолета. Тётка утверждает, что злоумышленник в неё целился. В моей спальне выключатель барахлит и имеет обыкновение самостоятельно включаться. Вот он среди ночи и включился. И тётка увидела якобы убийцу. Понял?

Лёва настороженно посмотрел на Артура: смутился или нет? Не разберёшь, но разговор этот Артуру явно не понравился.

– Пусть это буду я, если тебе это надо, – ответил он наконец. – Но если зажётся свет, то твоя тётя Маша должна была меня рассмотреть.

– Не рассмотрела. То ли свет её ослепил, то ли она со стра-

ху глаза закрыла. Теперь лепечет что-то про бороду и шляпу.

– Я был без шляпы, – быстро сказал Артур. – И с бородой у меня тоже нелады.

– Старик, ну какая разница. Главное, если что, сознайся, что это был ты.

– А что, будет разговор?

– Вдруг она решит с тобой объясниться.

– И как она будет со мной объясняться?

– Может быть, и не будет. Ладно. Забудем об этом.

– Хорошо, забудем, – пожал плечами Артур.

Солнце, косматое и страшное, наконец спряталось за вер-
хушками ёлок на дальних горках. Небо полыхало самыми
разнообразными красками. Здесь были и голубизна, и бирю-
за, и золотые каёмки на лёгких облачках. Флор прямо-таки
облизывался, глядя на этот закат. Сидоров-Сикорский раз-
жигал самовар. Артур притащил ящик пива. Явилась Инна
и, тарашась со сна, оглядывала всех с удивлением. Лёва ши-
пел ей в ухо:

– Я всех позвал. Нельзя предаваться бесконечной мере-
хлюндии. Очнись, пожалуйста, и всем улыбайся.

– Я улыбаюсь, – шипела Инна сквозь зубы.

Последним пришёл Флор.

– А что Эрика не привёл? – спросил Лёва.

– Так он в Москве. Ещё в пятницу уехал.

– Забавный парень, флегматичный, – заметил Лёва.

– Это Эрик-то флегматичный? Да у него в душе всё так и

бурлит, только пар наружу он порциями выпускает. Но снопы он вяжет отлично.

– А Игнат так и сидит с удочкой?

– Нет. Он себя туалетной водой полил и наострил лыжи к женскому полу. У него тут любовь.

– В деревне-то любовь? – осуждающе заметил одноглазый Харитонов; один глаз его был скрыт повязкой, а другой – узкая щёлочка в отёчных веках – смотрел на мир настороженно и осуждающе. – Не понимаю я наших молодых мужчин. За тридцать лет перевалило. А они всё «на выданье». Такая инфантильность! Или это наша национальная болезнь?

С этого невинного вопроса и зашёл разговор о менталитете разных народов. Тёплыми летними вечерами в Верхнем Стане любили потрепаться на отвлечённые темы. Лёвушка принимал в этом самое активное участие. Эти неторопливые пересыпанные остротами разговоры с внезапно вспыхивающими спорами под чаёк, кофеёк, водочку или, как сейчас, под пиво, напоминали ему давние кухонные беседы в Москве, когда он был ещё учёным и не помышлял о бизнесе. Сейчас по этой части тоскливо стало. Соберёшься со своими в клубе или в казино, сядут за стол. Выпивки до чёрта. И будут они тебе бескорыстно обсуждать чей-то менталитет? Да ни в коем случае! Каждый будет бубнить о насущном – обсуждать достоинства своей тачки. Один будет говорить, что у его «мерса» самая надёжная подвеска, другой – хвастаться металлическими прибабасами на новом джипе

«тойота-раннер», третий – гордо сообщать, что он отказался к свиньям от больших машин, купил «Опель», и теперь у него нет проблем с парковкой. Тут же все хором осудят Жорика, который приобрёл «линкольн» – немыслимой длины и роскошества средство передвижения: зачем оно ему, если он не Пугачёва и не Филипп, а скромный бизнесмен по производству оконных пакетов?

Было время в Верхнем Стане, когда по вечерам на террасе надрывались от политических споров. Года два или около того назад эти разговоры вспыхивали, как порох. И даже не споры это были, а грызня, потому что отношение к политике государства базировалось не на разумных доводах, а на чисто физиологическом посыле. «Я его ненавижу! Я рожу его не переносу!» – вот и весь сказ. Находились такие, которые не могли слушать по телику последние известия. На экране то и дело появлялись «рожи», вызывающие рвотный инстинкт. Приходилось немедленно бежать из комнаты, а сосед за столом сидел и думал про страдальца: «С ума он, что ли, сошёл? Лицо как лицо. И политика нормальная». А потом как-то вдруг разом договорились – политические темы закрыть. Тем более что в жизни всё как-то устроилось, и лодку перестали раскачивать, и появился намёк на стабильность. Оставим в покое президента, а вот менталитет каждой отдельно взятой нации... самое то, чтобы обсудить.

Артур выступил с полным знанием вопроса. Никто толком не знал, кто он по профессии. Знали только, что он ка-

ким-то боком сотрудничает с Лёвиной фирмой. Здесь, вечером на террасе, он и распустил хвост. Артур заявил, что у нас, при нашей невычесанной свободе, когда кажется, что всё, что хочешь, то и делай, в общественных науках вовсе не всем можно заниматься. Материться по телевизору – пожалуйста, паскудство показывать на экране – да сколько угодно, а вот взять, например, и с научной точки зрения обсудить психологию каждой нации, не только обычаи, но и генетические способности, скажем, к математике – вот здесь табу. И если ты за собственные деньги напечатаешь статью на эту тему, и общество начнет её обсуждать, то ты получишь дискуссию не на научную тему, а на политическую. И будешь ты враг современного гуманизма.

– Начнём с древней Греции, – продолжал Артур. – Аристотель делил весь мир на эллинов и варваров. Он утверждал, что варвар самой природой – формой носа, кистями рук и прочим – предназначен был для того, чтобы быть грубым завоевателем, а в результате рабом, потому что разумно мыслить он не в состоянии. А благородные эллины с их прямыми носами и высокими лбами природой предназначены для того, чтобы мыслить и руководить.

– Чушь, – сказал Сидоров-Сикорский.

– Не спорьте с Аристотелем.

– Я не Аристотелем спорю, а с расистами. Ненавижу расистов.

– Ну при чём здесь расизм?

– А как там на западе с их вычесанной свободой?

«Чуть что – начинают с Древней Греции, – подумала Марья Ивановна и пошла на кухню. – Под Древнюю Грецию всю красную рыбу сожрут! А балык я вам не дам! Обойдётся воблой. А ещё лучше было бы кильки купить».

Она вернулась в террасу с воблой, которая тут же была разобрана.

– Нет, ты мне скажи, – настаивал Лёвушка, – убийца – понятие наследственное или приобретённое? Я помню, была теория про определённую форму черепа и всё такое прочее...

Артур уже рот открыл, но его перебил Сидоров-Сикорский.

– Нет, Лёвушка милый, здесь всё как-то не так, – сказал он, постукивая рыбиной по краю стола. – Дело не в том, что он – убийца, а в том, что по своему генетическому коду он может быть отличён от большинства людей его этноса. А потому он приобретает свою форму приспособления. Если у меня рост три метра вместо одного метра семидесяти, то, наверное, я выберу образ жизни не такой, как Пётр, Иван и Михаил. Я буду в баскетбол играть или работать дядей Стёпой-светофором. Наверное, так же обстоит дело с убийцами...

Дальше вопросы посыпались как горох из мешка:

– А слабый характер – это генетическая штука?

– Понятие силы и слабости – вещь генетическая. Равно

как и ум.

– А что такое ум? Я думаю, что ум – инстинкт выживания рода.

– Ум – это характеристика вашего быстрогодействия и объём перерабатываемой информации, – сказал Артур. – Например, я как умный человек замечаю, что выпивки до чёрта, а закуска кончается.

– Тётъ Маш, нарежь колбаски, – попросил Лёва. – И овощей, что ли, принеси.

Когда Марья Ивановна вернулась на террасу, слово держал Лев. Сколько она пробыла на кухне – минут пять, не больше, а они со своим трёпом уже во-о-о-на куда ускакали!

– Мы должны уповать на теорию конвергенции. К этому придёт и социалистическая система, и рыночная. Всё сойдётся в одной точке, и человечество влывётся, если угодно, в своеобразный коммунизм. Конечная цель одна, и она вполне достижима. Когда мы придём к техническому социуму, то отпадёт необходимость в сознании реальных жизненных благ, необходимых нам для выживания. Так же как в Бело-вежской пуще зубры не понимают, откуда для них появляется холодной зимой корм, так и людям будет не обязательно знать, кто нас поит и кормит. Машины будут сами себя воспроизводить и нас обслуживать...

– Понятно, у них будет собственная жизнь, а люди как бы в заказнике...

Марья Ивановна тихо вышла из комнаты. Уж не до утра

ли они вздумали здесь сидеть? Сейчас наша терраса – их заказник. Лёва ещё долго говорил.

– ... У людей будет происходить своя полнокровная жизнь – любовь, искусство, всё что угодно. Жизнь Адама и Евы. Откуда ушли, туда и придём.

– А войны? Не может быть, чтоб человек по природе своей не стал воевать с той же машинерией.

– Технический социум будет регулировать быт, следить, чтобы не было войн, как мы сейчас регулируем стычки между кабанами и волками. Человек сам создаёт своего Бога – техническую цивилизацию. Тётъ Маш, чайку бы сообразить... или кофейку.

Неслышными шагами на террасу пришла Марья Ивановна с огромным подносом, на котором уместились и чашки, и заварочный чайник, и початый торт в круглой коробке. Лёва прошипел сидящей рядом Инне:

– Помоги тётке. Она не обязана обслуживать всю эту кофлу. Она не служанка здесь.

Инна резво встала, слегка оттеснила от стола Марью Ивановну и попыталась взять у неё поднос. Та удивилась и не только не отдала, но вцепилась в ручки подноса, словно уверена была, что Инне не под силу удержать такую тяжесть. Со стороны это не было похоже на борьбу, они словно в вежливости состязались, как Манилов с Чичиковым. В конце концов Инна одолела пенсионерку. Марья Ивановна сделала шаг назад. В этот момент и раздался в темноте громкий хлопок.

Никто вначале не понял, что это был выстрел. Лёва негромко ахнул и прижался к спинке кресла, держась за грудь.

– А-а-а! – закричала Марья Ивановна и кинулась к племяннику. – Я говорила. Я предупреждала!

Лёва сидел белый как мел, через пальцы его, прижатые к груди, сочилась кровь, а сам он вдруг начал медленно сползать с кресла.

– В него стреляли! – взвизгнула Инна, и поднос с грохотом полетел на пол.

– Меня убили, – повторил вслед за ней Лев и потерял сознание.

Фельдшера Макара Ивановича, которого все в округе называли «Ветеринар» – кличка у него была такая, – Флор привёз через час. Врача Надежду Ивановну на этот раз доставить в Верхний Стан не удалось. Вечером она праздновала своё сорокалетие и теперь находилась в полной отключке. На этом же банкете находилась в полном составе и кашинская милиция, поэтому заезжать за опером Зыкиным тоже не имело смысла.

Но если бы опер и не назюсюкался в стельку, ему всё равно было не суждено попасть в эту ночь в Верхний Стан, потому что Флор о нём просто не вспомнил. Не до того было. Одно дело, когда неведомый труп в деревне нашли, и совсем другое, когда Льва ранили в левую сторону груди. Там же сердце! Врач нужен, а не мент. Фрол даже мысленно запрещал себе говорить слово «убили», хотя на первый взгляд оно так и выходило. Удивительно, если он вообще ещё жив.

Лёвушка был не только жив, но и в сознании. Он сидел в том же кресле, прикрытый пледом. Голую грудь его стягивала повязка, через которую проступило кровавое пятно. Вид, конечно, ужасный. Не просто бледный, а серый, глаза испуганные, зрачки суженные, дрожит весь.

– Пуля навывлет, – констатировал фельдшер, осмотрев раненого. – Повезло вам, молодой человек. Очень повезло, – и

добавил загадочное слово: – Средостение.

– Какое ещё средостение? – переспросила Марья Ивановна. – И что значит повезло, если моего племянника чуть не убили?

– Вот именно – чуть. Несколько миллиметров в сторону, и пиши пропало. Стрелял опытный убийца, хороший стрелок. Метился он точно. Но у вашего племянника, при его неспортивном сложении, сердце несколько опущено, впрочем, как и все жизненно важные органы. Мышцы дряблые – понимаете?

Лёва тихо застонал.

– Больно? – обратился фельдшер к раненому.

– А вы как думаете? – Лёвины слова не были окрашены никаким эмоциональным оттенком: на злость и негодование у него просто не было сил.

– Плевра не задета, – ласково отозвался фельдшер. – Если бы плевра была задета, вы бы со мной не разговаривали. Вы бы от боли сознание потеряли.

– Он и терял! Только что в себя пришёл, – Инна опять начала плакать, вид у неё был совершенно потерянный.

– Да делайте что-нибудь, какого чёрта! – не выдержал Флор. – Что вы тут разговоры разговариваете?

– При бедности нашей лечебницы я могу сделать только обезболивающий укол анальгина, – спокойно ответил Ветеринар, раскрыл свой чемоданчик и начал готовить шприц. – Можно также сделать новокаин внутривенно, но при угро-

жающей бледности больного делать это я остерегусь, потому что может рухнуть давление.

Присутствующие с благоговейным вниманием следили, как фельдшер примеривался к Лёвиной ноге, выискивая удобное место для укола. Он всё пытался добраться до ягодич, но боялся потревожить раненого. Наконец укол был сделан.

Укладывая шприц в металлический футляр, фельдшер похвалил всех присутствующих: де, всё они сделали правильно, не поволокли раненого в постель, а ведь могли и не знать, что в лежачем положении отёк поражённых тканей проявляется гораздо быстрее, чем в сидячем. Потом, всё так же невозмутимо глядя на Льва, он принялся рассуждать сам с собой:

– Похоже, что жизненно важные органы не задеты. Если бы пуля продырявила верхушку лёгких, то на губах появилась бы кровавая пена. А она не появляется. Хотя если задеты нижние участки лёгкого, пены может не быть, но будет внутреннее кровоизлияние, что очень нежелательно...

– Вы не можете все свои знания держать при себе? – взмолилась Марья Ивановна. – Я понимаю, что нам повезло, и мы вам очень благодарны, но слушать все эти подробности... Увольте!

Ветеринар вдруг посуровел и твёрдо сказал, что только рентген может внести ясность и показать, задеты или не задеты жизненно важные органы, а потому господина Шели-

хова Льва Леонидовича надо немедленно везти в районную больницу.

После обезболивающего укола Лёве заметно полегчало. Даже цвет лица изменился и страх прошёл. Ехать в район-центр он категорически отказался, заверив фельдшера, что в Москву уже позвонили, и скоро сюда явится его собственный врач. С ним они и решат, что делать дальше. Фельдшер смирился.

Тут неожиданно для всех проявил инициативу Артур, призвав мужчин прочесать сад. Флор и одноглазый Харитонов (Сидоров-Сикорский с Раисой уже отбыли домой, потому что у скульптора от переживаний поднялось давление) отнеслись к предложению Артура с сомнением, но и отказываться было как-то неловко. Инна направилась вместе со всеми.

– Убийцу мы, конечно, не найдём, но следы его пребывания, может быть, и обнаружим, – твердил Артур.

А как их найдёшь – следы, если темнота в саду – глаз выколи. На всю компанию два фонаря, а одним из двух завладела Инна, потому что ей надо под ноги светить, чтоб не упасть. Но даже с фонарём она не поспевала за мужчинами.

– Ну кто ночью по саду шастает на каблуках? – не выдержал Флор. – Идите домой, мы уж как-нибудь сами...

И не нашли бы ничего, если бы у Инны вдруг не погас фонарь. В обычной ситуации в первую очередь думаешь о севших батарейках и перегоревшей лампочке, а здесь вдруг

в голову полезло чёрт-те что, декоративный валун обочь дорожки обернулся сгорбленным убийцей. Инна дико закричала, ломанулась прямо через кусты к дому и, конечно, упала. Подоспевшие мужчины принялись её поднимать.

– Подождите! Я сама. О, дьявол, коленку оцарапала! Камень острый! Нет, это не камень... Посвети сюда, – она неловко поднялась на ноги, разжала ладонь и взвизгнула: – Пуля!

– Гильза, – поправил её Артур. – Дай сюда.

Мужчины коротко крикнули «гип-гип-ура», но радовались они не столько находке, сколько возможности прекратить наконец нелепое блуждание по мокрой траве. Что они, мальчишки – в сыщиков играть? Другое дело – Артур. Он самым тщательным образом осмотрел гильзу, завернул в носовой платок и упрятал в карман шорт.

– Я её потом следователю отдам, – сказал он строго.

Все пошли на террасу, и только Артур, неутомимый следопыт, остался бродить по саду. Вернулся он спустя четверть часа.

– Нагулялся? – не удержалась от ехидного вопроса Инна.

– Я вообще-то думал – вдруг пистолет найду, – смущённо объяснил он. – Убийца часто с перепугу бросает оружие. А киллеры вообще так обычно поступают.

– Мог бы поиски отложить до утра, – проворчал Флор. – Гильзу-то случайно нашли. При свете дня искать как-то сподручнее.

– Он мог вернуться за пистолетом, – сказал Артур загадочную фразу, но уточнять не стал.

Часы показывали четыре, когда из Москвы прибыла целая бригада: Лёвушкин лечащий врач-терапевт, хирург, юрист Хазарский, представитель частного сыскного агентства Никсов и два шкафообразных телохранителя. Добрались в рекордно короткий срок. За два часа было покрыто сто семьдесят с гаком километров.

Врачи проявили фантастическую активность – всё бегом, быстро, слаженно. Фельдшер поспешал за врачами, скороговоркой объясняя суть дела. Прямо тебе американский сериал «Скорая помощь». Первым делом Лёву прямо в кресле перенесли в комнату, потому что «на террасе больному холодно», потом аккуратно перенесли на кровать и усадили, обложив подушками. Оба, и хирург, и терапевт, одновременно прослушивали лёгкие, считали пульс, нежно мяли больное Лёвушкино тело и негромко, коротко обменивались информацией:

– Жидкости в лёгких нет.

– Нет, но дышит плохо.

– Отёк. Лёгкие полностью не расправляются. Ты что взял?

Полиглюкин?

– Да. И ещё гемодез.

– Что будем колоть? Морфин?

– Да, ему нужно поспать. Ставь капельницу.

Лёва услышал слово «морфин» и торопливо сказал:

– Не торопитесь. Мне нужно поговорить с Никсовым. И чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо, Лев Леонидович, но не более десяти минут.

– Что вы собираетесь со мной делать?

– Сейчас вы будете спать. Потом мы повезём вас в Москву. Вот только ещё не решили – на реанимобиле или на вертолёте.

– Что??? – Лёва невольно дёрнулся и застонал.

– Осторожнее, – крикнул хирург. – Никаких резких движений!

– Вас не удивляет, – присоединился терапевт, – что мы сюда прибыли на обычной партикулярной машине? А у вас ведь страховка не где-нибудь, а в «Руксе» – хороший международный уровень. И вот наша замечательная «Рукса» заявила, что дальше, чем на сто километров от Москвы, не ездит. Спорить с ними нам было некогда, и мы взяли руки в ноги. Но сейчас мы уже можем спокойно с ними поговорить. Если реанимобиль для них гонять дорого, пусть присылают вертолёт.

– В этом нет необходимости.

– Нам лучше знать, есть в этом необходимость или нет. Пока ваше состояние опасно, но ранение таково, что состояние это очень нестабильно.

– Средостение? – шёпотом спросила Марья Ивановна, – никто не заметил, как она зашла в спальню. – Мальчишки, вы не объясните мне, что это такое?

– Объясню, – тут же отозвался терапевт, – подталкивая тётку к выходу. – Средостение – это место между сердцем, лёгкими, аортой и прочим... – раздалось за дверью.

– Всё, я вам делаю укол, – сказал хирург. – На разговор со следователем у вас десять минут. Потом вы просто отрубитесь.

В спальню был призван Никсов. Следователь не стал тратить время на наводящие вопросы.

– Лев Леонидович, у меня к вам один вопрос. Вы кого-нибудь подозреваете?

– Подозреваю. Но это именно подозрение и ничего больше. Понимаете, оно лишено здравого смысла. Артур искал убийцу в саду, даже в лес предлагал бежать, – он усмехнулся. – А я чувствую, что он находится рядом.

– Убийца?

– Ну, пока он никого не убил. Я говорю о том, кто меня ранил.

– Оружие нашли?

– Нет, только гильзу. Она у Артура. Заберите её у него сегодня же.

– И кого же вы подозреваете?

– Это разговор длинный. Пока в двух словах. Я должен поведать вам странную историю, которая произошла с моей тёткой. У меня здесь, в деревне, банный дом. Я сюда приезжаю в друзьями отдохнуть и расслабиться. Сегодня уже понедельник. Мы приехали в пятницу. Мылись, парились, вы-

пивали. В бане нас было семь человек.

– Назовите всех.

– Я, моя секретарша Инна, мой друг Константин с женой Лидией, мой приятель Артур, художник Флор – он живёт здесь всё лето, – и Игнат, он тоже художник.

– И как прошел банный вечер?

Никакой усмешки в голосе следователя нельзя было обнаружить, да и не позволил бы он себе про профессиональным и человеческим соображениям, но Лёвушка счёл необходимым пояснить, что в бане они парились, а не развратничали.

– Две дамы мылись первыми. Мы здесь не придерживаемся финских обычаев. В сауне или в парилке сидим вместе, но в простынях. Но не об этом я хотел вам рассказать.

Лёвушка бегло пересказал историю с ночным незнакомцем и Марьей Ивановной.

– То есть вы хотите сказать, что свет в спальне сам зажёгся и сам выключился?

– Именно. Это именно та спальня. Вчера выключатель починили на скорую руку. Но дело в том, что тётка совершенно не помнит лица убийцы. С перепугу она просто закрыла глаза. Кроме того, свет очень быстро погас опять, что дало неизвестному возможность скрыться.

– Вы думаете, что неизвестный охотился за вами?

Лёвушка внимательно посмотрел на следователя, но оставил его вопрос без ответа.

– Я, как мог, успокоил тётю Машу, придумав для это-

го вполне правдоподобную историю. Все перепились, ночью была страшная гроза, тётка моя – трусиха, она во всём видит элемент мистики. Успокоить её было нетрудно.

– И как же вы её успокоили?

– Артур первый раз у меня в гостях. Мы с ним приятельствуем. Он работает в некой фирме. Раньше у меня с этой фирмой были деловые отношения, теперь – никаких. Словом, я собираюсь взять Артура к себе на работу. Пить хочу. Спроси у эскулапов, можно мне попить?

В спальню борзо вбежали врачи, засуетились, потом остыли. Можно, пусть пьёт, только немного. Можно минералку, но без газа. Обряд питания занял минуты три. Видно было, что Льву трудно глотать. Никсов подумал: «Хорошо бы в таком темпе до главного добраться. Как бы раньше времени клиент не отрубился». Как только за врачами закрылась дверь, Лёва неглубоко вздохнул, перевёл дух и продолжил:

– У Артура есть зажигалка в виде пистолета, которой он нас всех достал. Дурачился и пугал нас даже в бане... Но это неважно. В парилке мне стало плохо. Думаю, что просто перепил. Я мужикам сказал – мол, пойду полежу. Отлёживаться я пошел в малый чуланчик при бане, там диван удобный. Никто не видел, куда я ушёл. Костя был в лоскуты. Правда, Артур, как я понимаю, вообще не пьянеет. Не исключено, что он сознательно не пил.

– У вас есть этому доказательства?

– Нет, только предположения. Как Костик волочил жену в

дом, вам без меня расскажут. Я отлежался, вернулся в коллектив. Все на месте, Артура нет. «Где он?» – спрашиваю. А Флор со смехом говорит: «Получил ваш друг боевое ранение. Сейчас царапины лечит». Запомните, надо выяснить, кто Артура оцарапал: тёткин кот или Лидия? И ещё у нас есть труп около церкви.

«Уж не бредит ли он?» – подумал Никсов озабоченно и даже руки поднял, призывая раненого к молчанию – мол, всё, завтра поговорим.

– Не удивляйтесь, я в норме, – тут же отреагировал Лев – Подробности вам тётка расскажет. И ещё я хочу, чтобы вы проверили, не Артур ли стрелял в меня сегодня ночью.

– Разве его не было на террасе?

– Был и принимал самое активное участие в разговоре. А потом – я не помню. Все передвигались по террасе, одни уходили, другие – входили, кто-то пил пиво, кто-то водки себе принёс и закусывал в своё удовольствие. Потом тётя Маша стала организовывать чай. Тут всё и произошло. Где в этот момент находился Артур, я понятия не имею. Действуйте. Не мне вас учить. Кто он, Артур Пальцев, – вам Хазарский расскажет. Понимаете, я бы не поверил в этот бред, но Артур знает то, что ему знать не положено. Я ещё удивился – откуда?

– Это касается вашего бизнеса?

– Именно. И ещё советы даёт. Он мне советует делать то, что я делать не хочу. А какого лешего? Всё. Сил нет. Я от-

рубаюсь. Чего и вам советую.

– Я непременно сосну часок-другой, – согласился следователь, прикрывая за собой дверь.

Но пойти соснуть Никсову не удалось, потому что сразу по выходе из Лёвушкиной спальни он попал в руки Инны. От невозмутимой красавицы с томным взглядом ничего не осталось. Перед Никсовым предстало вконец измученное, зарёванное, слегка хмельное существо.

– Я должна вам всё рассказать... немедленно. Лучше вы узнаете это от меня, чем если бы стали собирать сведения по крохам. Что вам Лёва сказал про шантаж?

– Шантаж? – переспросил Никсов. – Какой шантаж?

– Покойный меня шантажировал. Ну что вы на меня так смотрите? Я про Андрея говорю. Моего покойного мужа.

– Лев Леонидович ни про какого Андрея мне ничего не говорил.

– А о чём же вы тогда беседовали целых двадцать минут? Никсов вздохнул, сел в кресло напротив Инны и сказал:

– Рассказывайте.

И она начала рассказывать. Начала, как водится, с конца, то есть так выстроила сюжет, что в нём присутствовали и тайна, и эффектная развязка. История с обнаружением трупа подле церкви была пересказана во всех подробностях. Далее шёл отчёт о том, как был потрясен Лёва. И как же ему не быть потрясённым, если этот человек с пронзённым сердцем, подлец, шантажист, неудачник и негодяй есть не кто

иной, как её муж Андрей.

Далее она перешла к самой деликатной части своего повествования и в том же сбивчивом тоне, в том же темпе, с разбега, взятого в начале рассказа, поведала самое главное – страшную тайну её жизни. Она всё расскажет, только Никсов должен дать честное слово, он должен поклясться всем святым, что есть в его душе, что об этом Лёва ничего не узнает. Никсов не стал клясться, но Инна этого и не заметила.

Сейчас многим её тайна показалась бы делом обычным, а Иннин ужас – по меньшей мере наивным. Сколько их стоит у метро, на дорогах, в ресторанах и гостиницах – путан, бабочек, шлюшек дешёвых и дорогих. Уже и общество готово признать, что этот ночной заработок обычен и приемлем, что красота и молодое тело – такой же товар, как мозги, совесть и чувство долга. Голод не тётка, ещё не тем заставит заняться. Это тебе не ленинградская блокада и не война, когда ненависть к врагу и любовь к родине толкали людей на подвиги. Сейчас нам не до идеалов. Если у всего народа крыша поехала, если земля под ногами шевелится, а небо гремит и посылает молнии, то здесь действует один инстинкт – выжить, и лозунг – разбогатеть. А многие уже разбогатели, добыли себе сусальное счастье, и вокруг них всё ликует, вертится, блестит мишурой, фейерверки в небе, как огненные змеи. Что же ей, бедной советской студентке – подышать?

Далее следовал парад междометий. Ах, это ужасно! Она понимает, что вас, господин Никсов, ничем не удивишь, но

вы послушайте! Нет, вы представьте, представьте... Она студентка четвёртого курса, помочь некому. Родители в Сибири, сами копейки считают. Муж – неудачник, паскуда и подлец – тоже студент, и больше всего на свете хочет доучиться, получить диплом. Он перепробовал огромное количество левых заработков. Что он только не делал! Нанялся к каким-то азербайджанцам, пытался торговать. Но при его горячем нраве заработать у них было совершенно невозможно. Они тоже горячие парни. Муж растратил чьи-то деньги, подрался, попал в больницу. Вышел, репетиторствовал, но нигде не уживался. В одном месте хозяйка Ева (слово-то какое чужое!) мало платили, в другом были откровенные сволочи. Работал грузчиком, но тоже подрался. И добро бы только его били, так нет, он в долгу не оставался. Удивительно, что он вообще не сел. В ту пору он был ещё помешан на политике, шастал на какие-то демонстрации, чтобы защищать свободу. Сейчас она не может с достоверностью сказать, за кого, собственно, он выступал – за Горбачёва или Ельцина, за белых или за красных. Институт бросил, не до учёбы ему было. И все у него виноваты, а он один в чём-то неведомом прав. Голодали, да... а вокруг полное равнодушие, словно знакомый ей мир заселили марсиане, монстры.

Инна без конца курила, от волнения захлебывалась дымом, с яростью гасила окурки в пепельнице и тут же закуривала новую сигарету.

Найти работу подружки помогли. Всё-таки «иняз». Со зна-

нием языка можно было рассчитывать на чистую клиентуру. В лучших гостиницах Москвы она была своим человеком. Зарабатывала очень прилично, но поначалу боялась засветиться, боялась не только французские духи купить, но даже одеться прилично. Однако не будешь на работу ходить абы в чём. Андрей смотрит на неё и говорит: «Откуда шуба? На какие шиши?» А она в ответ: «Родители помогли. Отец занялся кооперацией. Теперь у нас всё будет». Муж очень приободрился, решил челночить. Долларовые купюры уже в руках держали, было на что товар покупать.

Но с челноками у Андрея тоже не заладилось. По какому-то дремучему делу он угодил в греческую тюрьму. Правда, ненадолго: через четыре месяца уже выпустили. Она meantime кончила институт и решила, что пора переходить в отряд приличных гражданок и завязывать с ночной профессией. Но не так от неё просто было отвязаться.

Вот здесь её Андрей и застукал у гостиницы. Застукал и сразу всё понял. Швейцара подкупил на её же деньги, тот и сообщил – кто она и что. У неё и кличка была – Мэг, а если полностью – Magrie, что по-английски означает «сорока». Так прозвали не из-за того, что она золото любила, и не за скороговорку. Хотя, правда, если нервничала с клиентом, то начинала очень быстро говорить. Но её кличка просто объясняется: по фамилии она – Сорокина. Англичане и тем более японцы выговорить её фамилию были не в состоянии, отсюда и кличка появилась.

– Что вы на меня так смотрите? Фамилия в жизни человека играет очень большую роль. У вас тоже странная фамилия.

– Почему странная? Никсов.

– У вас в роду англичане были?

– Не знаю.

– Вы, наверное, думаете, что ваша фамилия от Ники: победный, так сказать. Может быть, даже кто-то вообразил, что вы – родня президенту Никсону. Дудки... Никс, чтоб вы знали – английский водяной. Тот самый – в тихом омуте и непроточной воде. Или как раз в проточной живут никсы, я забыла. О чём я, мама родная? В общем, я собиралась просить прощения, ждала разноса от мужа, но Андрей сказал, что я ни в чём не виновата и прощать меня не за что.

Им надо было выжить, и она выжили. Инна нашла себе приличную работу, а Андрей, вопреки горячим заверениям, так и оставался безработным. То есть он без конца находился в поисках работы. Но он хотел ощущать себя мужчиной, а потому не хотел зарабатывать меньше жены. Они плохо жили. Любовь давно ушла. Вместе их связывала только привычка. Впрочем, это она так думала – про привычку, а Андрей свою выгоду уже понял. Потом он пошёл работать в охрану.

В этот момент ей предложили перейти на новую работу – к Лёве, и она согласилась. А дальше – счастье! Боже мой, как она влюбилась! Она в него влюбилась сразу, как только увидела. И не смотрите, что сейчас он обрюзг, полысел.

Бизнесменская жизнь никого не красит. Это ведь сплошные нервы! А пять лет назад это был красавец. И главное, фантастически умён.

Вы бы знали, чего ей стоило скрыть роман от Андрея. Потом-то выяснилось, что он всё знал. Вот чему этот вечный безработный, подлец и паскуда, выучился за последние годы, так это соглядатайству. Ей вообще кажется, что он знал каждый её шаг. Лёва сделал ей предложение, которое она с благодарностью приняла. Дело осталось за малым – развестись. Но не тут-то было. Андрей сказал, что никогда не даст ей развода. Ещё он сказал, что браки совершаются на небесах, что жена – от Бога, и уж если небеса послали ему золотую рыбку, то он с ней никогда не расстанется. Милуйся со своим бизнесменом сколько твоей душе угодно, вообще он в любовниках её не ограничивает. Но за любовь она должна платить, и не кому-нибудь, а своему законному супругу. А попробуешь бунтовать – он немедленно сообщит Лёвушке, что его возлюбленная – валютная проститутка.

– Надо было во всём сознаться Льву Леонидовичу, – строго сказал Никсов.

– Вы не знаете, какой наивный и чистый человек Лёва, вы не знаете, из какой он семьи. Отец его – серьёзный человек, доктор наук, профессор, тогда он ещё был жив. Мать у него, царство ей небесное, вся в работе, в электростанциях и гидротехнических сооружениях. Дома только и слушали: нижний бьеф, верхний бьеф... Уже не строили ни черта, а она

всё моталась по объектам, потом простыла и умерла в одночасье. Вот тебе и бьёф! Кажется, от инсульта. Единственное, в чём я могла сознаться – что замужем и что муж не даёт мне развода. А что делать? Подождать... Всё как-нибудь устаканится.

Никсов смотрел на Инну тяжёлым, недобрим взглядом.

– А как ваш благоверный сюда, в деревню, попал?

– Не знаю. Я уже говорила Лёвушке – не знаю.

– И зачем он приехал, вы тоже не знаете?

– Нет.

– Может быть, он ревновал? Если бы он в воскресенье вечером был жив, я бы решил, что это он стрелял в Льва Леонидовича.

– Такое предположение – полный абсурд! Зачем убивать курицу, которая несёт для него золотые яйца?

– Ага... и мечет чёрную икру... Ладно, я понял. Закончим на этом разговор.

– Но я не договорила! Дело в том, что мы виделись с Андреем в ту ночь. Я умоляла его уехать.

– А он просил у вас денег.

– Как вы угадали?

– Загадка слишком проста. Вы дали?

– Дала. Но совсем незначительную сумму. Больше у меня просто не было.

Инна смотрела на сыщика умоляюще и всё время норовила доверительно взять его за руку: мол, пойми и учти в своём

расследовании.

– Идите спать, Инна. Вам нужно отдохнуть.

Никсов дождался, когда её шаги стихнут, после чего сам вышел в коридор. Весь дом спал, только рядом с комнатой хозяина безмолвным истуканом – даже дыхания его не было слышно – торчал охранник. Очевидно, второй находится вне дома. Не с них же опрос снимать! Никсову очень хотелось поговорить с Хазарским, и чем быстрее, тем лучше. Пока люди находятся под непосредственным впечатлением от случившегося, они куда более откровенны и разговорчивы, чем спустя день-два после событий. Но Никсов даже приблизительно не знал, где искать Хазарского в большом доме.

Сыщик поднялся в отведённую ему комнату. Добрейшая Марья Ивановна улучила минуту в общей суете и загодя указала маршрут на второй этаж. Комната была узкой, с облицованной вагонкой стенами, косым потолком и широкой застеклённой дверью на балкон. Конечно, Никсов вышел туда покурить.

В мире было сумрачно, зябко, туманно, и только узкая розовая полоска в небе обещала скорый рассвет. Прямо под балконом стоял великолепный мокрый от росы кустище красной смородины. В предрассветной мгле было видно, как плотно он обвешан гроздьями ягод. Около куста важно разгуливала сорока.

– Мэгпай, значит, – пробормотал Никсов. – А ведь получается, голубушка, что ты своего мужа и убила. Иначе зачем

было так нервничать и слёзы лить?

Поспать он уже не мечтал, но хоть полежать на свежей простыне! День будет трудным. И всё-таки он задремал, но, казалось, и пяти минут не проспал, как его разбудил низкий, неизвестно откуда идущий гул. В комнате было уже светло. Никсов схватил брюки и вышел на балкон. Гул возрастал, потом стал нестерпимым. Следователь буквально вывернул голову и, к своему удивлению, увидел в небе вертолёт. Маленький, зелёный и лёгкий, как кузнечик, он завис над домом, потом метнулся в сторону и исчез из видимости. Басовитый гул его украсился невнятным чиханием и смолк.

– Батюшки, это к нам! – Никсов буквально скатился вниз по лестнице. В доме уже активно сновали люди, казалось, что их здесь многие десятки, все друг с другом сталкивались и никак не могли обежать друг друга. В дверях стояла полностью одетая и даже подкрашенная Инна и взывала неизвестно к кому:

– А меня возьмут? Как вы думаете, меня возьмут в вертолёт?

Хазарский устремился к выходу, все бросились за ним. Вертолёт сел на овальном лугу около церкви. На земле он уже не казался таким юрким и маленьким. Санитары с диковинного устройства носилками столкнулись со встречающими в саду, и все ходко побежали назад к дому. «И весь

этот дурдом из-за одного подстреленного коммерсанта, – с внезапным раздражением подумал Никсов. – Добро бы рана была настоящая, а то ведь так... счастливый случай».

Перемещение раненого из дома в вертолёт и сам их отлёт уместились в очень короткий срок. Всё было похоже на кадры из американского фильма про пожары или природные катаклизмы. Усаженного на носилки Лёвушку – нельзя было понять, спит он или бодрствует – санитары волокли к вертолёту бегом. Непонятно, куда все так торопились. За санитарями поспешали хирург и терапевт – врачи из личного Лёвушкиного арсенала. За ними бежала Марья Ивановна в бордовом махровом халате и коротких резиновых ботах.

– Так вы мне гарантируете, что всё будет хорошо? – вопрошала она врачей. – Я могу надеяться?

– Можете, – отмахивался хирург, а терапевт вторил: – Надежда ещё никому не повредила.

Хазарский тоже бежал. Инна бубнила ему в спину: «Я всё равно полечу с Лёвой! И никто мне слова не скажет». Охранников вроде не было в толпе, но оказалось, что они прибыли к вертолёту первыми. Артур стоял несколько в сторонке и отчаянно зевал со сна.

Никсов буквально не успел никому слова сказать, как дверь захлопнулась и «кузнечик взмыл в небо». На борт помимо Лёвы поднялись только врачи и охрана. На лице у Инны было такое выражение, словно она никак не могла понять, расплакаться ей или погодить.

– Куда повезли Льва Леонидовича? – спросил Никсов.

– В хорошее место, – отозвался Хазарский. – В ЦКБ, Центральную Клиническую больницу. Там Ельцина лечили.

– Мне надо с вами поговорить. Когда вы уезжаете?

– Вот с вами поговорю и поеду, – добродушно отозвался Хазарский. – Но лучше бы соснуть немного. Ведь семь утра. А я, знаете, так перенервничал. Слава Богу, через час Лёва будет на больничной койке.

Разговор с Хазарским – юристом, адвокатом, мастером на все руки и доверенным лицом Лёвушки – состоялся уже белым днём. Никсов сразу взял быка за рога:

– Кто такой этот Артур Пальцев и какие у него отношения со Львом Леонидовичем?

Хазарский был бел лицом, бархатен глазами, темнобров. Иссиня-чёрный клочок волос под нижней губой, которому надлежало исполнять роль эспаньолки, придавал всему его облику романтический, декадентский привкус. Видимо, вопрос Никсова поставил его в тупик. Он эдак искоса посмотрел на следователя, задумчиво закусил нижнюю губу, о чём-то размышляя, а потом ослабился в вежливой улыбке.

– Я понимаю, – кивнул Никсов. – Вы хотите сказать, что не лучше ли спросить об этом у самого Льва Леонидовича, когда проснётся и будет в состоянии говорить. Но дело в том, что времени у нас немного – это раз. А два – и это главное – Лев Леонидович подозревает, что в него стрелял именно Артур.

Показной романтизм мигом слетел с собеседника. Он как-то разом на глазах поумнел и воскликнул с простонародной интонацией:

– Матерь Божья! Лёва сам вам об этом сказал?

Никсов развёл руками: мол, кто же ещё?

– Раз сказал, значит, имеет основания, – твёрдо подытожил Хазарский и добавил деловито: – Знаете что? Пойдёмте-ка прогуляемся. В этом сплошь деревянном доме потрясающая акустика.словно внутри органа сидишь, и каждая доска – струна. На кухне говоришь, а в угловой комнате наверху всё слышно.

Они прошли через цветник и сад, обогнули банный дом и пошли по деревне к лесу. На зелёной траве млели от жары утки. У калитки крайней избы стояла и смотрела на них в упор каштановая корова с пёстрым выменем и острыми рогами. Поравнявшись с ней, Хазарский вдруг набычился и крикнул: «Фу!» Корова отступила на шаг и принялась лениво махать хвостом, отгоняя оводов.

– Я их с детства боюсь, – сказал Хазарский. – Меня в детстве на даче корова бодала. Колхозная. Такая, вам скажу, была стерва! Я в Голландии был. Тактам коровы – прямо тебе красотки! Нажрутса травы и лежат в лугах, морду копытом подпирают. А у нас – худые, агрессивные, любопытные – всё им надо! Вот скажите, чего ради она среди бела дня домой припёрлась?

– Так двенадцать часов. Наверное, доить пора, – с нескры-

ваемым раздражением сказал Никсов и подумал: «Что-то не больно ты скорбишь по раненому другу, господин хороший. Балаболишь языком, время тянешь».

– Значит, мы про Пальцева, – на той же бодрой ноте продолжил Хазарский. – На первый взгляд Артуру совершенно незачем стрелять в Лёву. Совершенно.

– А на второй?

– И на второй тоже. Во всяком случае, из тех знаний, которыми я располагаю, ничего криминального не выкроишь.

«А это не твоя забота», – хотелось сказать Никсову. Ему не нравился Хазарский. Скользкий, как угорь... Он и сам с собой наверняка не любит быть откровенным. И какого чёрта они потащились в лес, а не на реку? Правда, плавок всё равно нет. Ну и жара...

Тропинка привела их к заросшей дороге в лесу. Видно, ей давно не пользовались. От прежней трудовой её жизни остались две глубокие колеи. В них кое-где стояла вода. Колеи заросли не только крапивой, снытью и конским щавелем, – тут и там высились молодые берёзки и осины. В сырых местах доверительно голубели ломкие, с длинными стеблями незабудки.

– Вы расскажите всё, что знаете, – предложил Никсов, – а потом я вам буду вопросы задавать.

Рассказ Хазарского был административно сух и точен:

– Артур Пальцев появился на горизонте примерно год назад или около того. Можно уточнить. По образованию Артур

гуманитарий, какое-то время – ещё мальчишкой был – работал в кино на ролях вторых режиссёров. Потом решил организовать собственное дело, а именно – создать банк. И создал, но прогорел. Это было примерно за год до августовского краха. Он об этом не любит распространяться. Насколько я знаю, банк у него оттяпала его же собственная крыша, то есть братки. Артур всё бросил и ушёл учиться. Сейчас он дипломированный менеджер. В этом качестве Лев и собирается взять его на работу в собственную фирму при полном обоюдном согласии. Женат, имеет ребёнка – девочку. В настоящее время жена и дочь отдыхают в Анталии. Говорят, что Артур примерный семьянин.

– А где и кем этот примерный семьянин сейчас работает?

– Менеджером в «Моноруле».

– Что за «Моноруль»?

– Не «Моноруль», а «Монорул». Это фирма, довольно известная. Название составлено из первых слогов фамилий основателей. Было три основателя. Остался один – Норкин. Он выкупил дело у двух других учредителей. Чем именно занимается «Монорул», для вас важно?

– Он конкурирует с Львом Леонидовичем?

– Никоим образом.

– А в чём Лев Леонидович видит свой интерес? Зачем ему Артур?

– Сейчас Лев собирается организовать цех по производству мороженого. Для этих целей ему и нужен Артур. Поме-

щение уже приобрели, там идёт ремонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.